

55380

4730

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

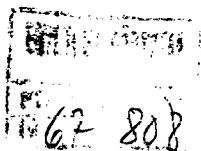
DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

IV.

SZEGED

1966

55380

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

IV.

SZEGED

1966

**Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata**

IV.

**Redigit
József Juhász**

**Seriem publicationum edendam curat
Imre H. Tóth**

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНИЗМЫ И РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

М. А. Соколова

(Ленинград)

Вопросу о церковнославянизмах или книжной лексике, которая пришла к нам из старославянского языка, тем самым пополнив лексические богатства русского языка, посвящена более чем значительная научная литература. Мы имеем ряд монографий, начиная с работы проф. С. К. Булича¹ и кончая, быть может, книгой П. Христовой-Филковой², и еще большее количество статей. Но несмотря на это, вопрос о церковнославянизмах нельзя считать решенным и исследованным до конца. Нельзя также забывать и о том, что вопрос о них теснейшим образом связан с другой, мы бы решились сказать, более важной проблемой о природе и характере языка первых оригинальных памятников русского языка, таких, как „Русская Правда”, Труды Владимира Мономаха и др., а затем и с русским литературным языком последующих периодов.

Вопрос о характере литературного языка наших ранних оригинальных памятников, начавшийся более ста лет тому назад, нельзя считать закончившимся и в наши дни. Полагаю, что в данный момент он является, быть может, более острым, чем двадцать лет тому назад.

Акад. И. И. Срезневский в своей работе „Мысли об истории русского языка и других славянских наречий”³ высказал мысль о том, что русский литературный язык *в своем зарождении* (подчеркнуто мною, М. С.) не был языком русским, а старославянским. Хотя это высказывание не было подкреплено убедительными доказательствами, однако оно было принято таким авторитетным учёным, каким был академик А. А. Шахматов. Хотелось бы заметить, что обращение к богатейшему научному наследию А. А. Шахматова даёт некоторые основания убедиться в том, что по этому вопросу у Шахматова А. А. были колебания и в ряде случаев противоречивые высказывания. Так в рукописном курсе по истории русского языка, читанном в 1919—1920 году, на 7 странице он, говоря о восточных славянах и отмечая, что они заимствовали верования, военный быт и т. д. у других народов, пишет: „Но один из этнографических признаков племени — язык оказывается исконным достоянием народа”.

Рядом с этим высказыванием следует привести и другое, из которого становится очевидным признание более, чем значительной роли старославянского языка даже в современном русском языке. В „Очерке современного русского литературного языка” 1925 г. читаем: „Из предложенного обзора

1 С. К. Булич. „Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке”. СПб. 1894 г.

2 П. Христова-Филкова. „Из историята на руско-българските езикови връзки”. Издат. „Наука и изкуство”. София, 1963 г.

3 СПб, 1887, стр. 76.

церковнославянизмов в современном литературном языке видно, что в словарном составе он на половину, если не более, остался церковнославянским”⁴.

Приходится сказать, что эти строки и в период выхода книги меня удивили, и мне трудно было признать их правильность.

Ближайший ученик акад. А. А. Шахматова, С. П. Обнорский не мог принять существующее положение о русском литературном языке старшего периода и решил произвести тщательный анализ оригинальных русских памятников старшего периода, памятуя, что „русский литературный язык старшего периода специальному исследованию не подвергался”⁵.

С 1934 г. появляется ряд его статей с типичными и яркими заглавиями: „Русская Правда как памятник русского литературного языка”⁶, „Слово о полку Игореве как памятник русского литературного языка”⁷ и др.

И только через 12 лет, собрав обильные материалы, акад. С. П. Обнорский обобщает свои наблюдения и приходит к соответствующему выводу, который и изложен в его книге „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода”, вышедшей в 1946 г. В ней, с моей точки зрения, убедительно показано, что язык древнейших наших оригинальных памятников — язык русский (скажем точнее — восточнославянский), самобытный, а не старославянский, как предполагали предшественники С. П. Обнорского. Эта новая точка зрения нашла себе поддержку. Появился ряд рецензий, и книга получила первую государственную премию. Эта работа С. П. Обнорского высоко оценивалась специалистами. Так член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин в своей рецензии на эту книгу писал: „Выход в свет этой книги — большое событие в науке о русском языке” и ниже: „Тщательный анализ языка ценнейших памятников оригинальной русской литературы, теоретически новая и смелая постановка проблемы сложения и развития русского литературного языка характеризуют труд С. П. Обнорского”⁸.

Проф. П. Я. Черных справедливо полагает, что „главная заслуга С. П. Обнорского заключается в смелом выдвижении нового положения о самобытности русского языка”⁹.

Покойный проф. Л. П. Якубинский, исследуя позднее те же самые памятники, заявил, что автобиография Владимира Мономаха „написана на чистейшем русском языке”¹⁰. Рассматривая „Русскую Правду”, он же писал: „Церковнославянских элементов мы здесь не найдем”¹¹.

Но рядом продолжает жить и прямо противоположная точка зрения. С нею мы встретились в книге проф. В. И. Борковского и П. С. Кузнецова „Историческая грамматика русского языка”, которая вышла в изд. АН СССР в 1963 г. В ней на 28—29 стр. авторы, говоря о том, что на протяжении XVI—XVII вв. создаются предпосылки для образования русского литературного языка на живой национальной основе, пишут: „Однако до конца XVII в. включительно в качестве литературной нормы у нас господствует

4 Стр. 44.

5 Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. Изд. АН СССР, 1946 г., стр. 3.

6 Известия ООИ АН СССР, 1934 г., № 10, стр. 749—779.

7 Книга „120 лет Ленинградского Государственного Университета”, 1939 г. и журнал „Русский язык в школе”, 1939 г., № 4.

8 Вестник Лен. Гос. Университета, 1949 г., № 10, стр. 109—110.

9 Журнал „Русский язык в школе”, 1948 г., № 5.

10 Л. П. Якубинский. „История древнерусского языка”, Учпедгиз, М., 1953 г., стр. 303.

11 Там же, стр. 300.

(а почему не господствовал? М. С.) церковнославянский язык, используемый не только в церковнобогослужебных целях, но обслуживающий самые различные литературные жанры. Окончательный переход к собственно русскому литературному языку осуществляется лишь в XVIII веке" (С Петра I).

При таком положении естественно возникает вопрос такого порядка: а наши памятники деловой письменности как раннего времени („Русская Правда", Труды Владимира Мономаха, изумительное по богатству и красоте „Моление Даниила Заточника", наши грамоты и т. д.), так и более поздние („Судебники", „Стоглав", „Домострой" и т. п.) разве написаны не на литературном русском языке?

Дело в том, что лишь после принятия христианства, вместе с которым появились книги из Болгарии, начинается влияние болгарского (старославянского) языка на язык русский. В этот период оно не было значительным. Хочется отметить исключительно умелое использование как его лексики, так в меньшей мере его форм. Я бы решилась сказать, что уже с этих пор зарождаются начатки „высокого" стиля, усваивается исключительно умелое использование как лексики близкородственного языка, так частично и его форм. Это особенно ярко, пожалуй, можно наблюдать на творениях Вл. Мономаха, сравнивая, с одной стороны, его „поучение" и частично письмо к Олегу, а с другой — его автобиографию, где он описывает свою жизнь, походы, охоту и т. д. Во всяком случае специалисты, полагающие основой русского литературного языка — язык старославянский, оперируют в первую очередь лексическими данными, естественно учитывая фонетические моменты, а именно прежде всего неполногласные образования (страна, град, вред, время и т. д.) и даже рефлексy сочетаний *d + j* и *t + j*, т. е. образования типа *вождь* — при *вожь*; *одежда* — при *одежа*; *ноить* — при *ночь*; *горящий* — при *горячий* и т. д.

Задержимся на лексике с неполногласием.

Прежде всего встает вопрос о том, все ли неполногласные формы суть наследие старославянского языка. Этот вопрос, надо думать, требует пересмотра, и в этом отношении наша наука в долгу.

Если крупнейшие лингвисты, в том числе и С. П. Обнорский, говорили о том, что сугубо бытовая лексика типа *корова*, *солома*, *порось* не была затронута влиянием неполногласных форм, то и это утверждение уже заставляет сомневаться в его безоговорочной правильности.

Дело в том, что в рукописном наследии акад. А. А. Шахматова имеется одно высказывание, которое до сих пор как-то еще не было учтено. Между тем необходимо не только внимательное отношение к нему, но и дальнейшие поиски и разъяснения.

А. А. Шахматов в магистерской диссертации „О долготе и ударении в общеславянском языке",¹² к сожалению, не напечатанной, обратил внимание на то, что в русском языке неполногласные формы могут быть только в словах с *исконным нисходящим* ударением (злато — зóлото; враг — вóрог; млад — мóлод; власть — вóлость; страж — стóрож) и т. д., но не с *восходящим* (кóрова, дорóга, горóх, холóп, солóма, берéза и т. д.).

После этого вывода А. А. Шахматов пишет: „Легче всего было бы говорить о церковнославянском воздействии, но тогда останутся необъясненными эти факты". В этой же рукописи имеется упоминание о том, что акад.

Корш давно высказывал мысль, что неполногласные формы в русском языке не заимствованы.¹³

Таким образом, учитывая эти высказывания, едва ли правильно все неполногласные образования безоговорочно считать церковнославянизмами, а лексику, не имеющую параллельных неполногласных форм, типа *солома*, *горох* объяснить тем, что она, имея сугубо бытовой характер, не подвергалась этому воздействию. Ударение здесь, видимо, играло решающую роль.

К сожалению, вопросы акцентологии у нас еще недостаточно разработаны. Однако, если вопрос о церковнославянизмах оставим пока в той плоскости, в какой он пребывает в нашей науке, то и здесь хотелось бы коснуться ряда моментов. В любой работе, характеризующей памятники как прошлого, так и последующего периода, непременно отмечается использование церковнославянизмов как стилистических синонимов, что в какой-то мере справедливо, если брать такие пары как *брег* и *берег*, *мороз* и *мраз*, учитывается иногда их переносное значение, образность, но слишком мало внимания уделяется умелому использованию неполногласных форм в другом плане, а именно — присвоению им новых, несвойственных им значений. Отдельные случаи, такие как *страна* — *сторона*, *глава* — *голова* учитываются, но следует обратиться к другим подобным дублетным парам, характеризующим язык прошлого, а именно к таким как *городь* — *градь*, *ворота* — *врата*, *боронь* — *брань* и т. д. О последней паре очень хорошо говорит в своей работе покойный проф. Л. П. Якубинский,¹⁴ который отлично показал использование и значение как полногласного, так и неполногласного образования, но не учёл важности своих наблюдений, не пошел по этому пути дальше и чётко не формулировал значения своего наблюдения.

Обратимся к некоторым материалам, характеризующим значения полногласных и неполногласных образований.

Церковнославянское влияние впервые начало иметь место после принятия христианства, когда вместе с ним пришли и книги. Вот тогда-то рядом и параллельно с нашими полногласными образованиями могли получать бытование и их неполногласные дублеты, а, может быть, если учесть приведенное выше высказывание А. А. Шахматова, некоторые из них существовали и раньше.

Обратимся к рассмотрению хотя бы некоторых дублетных пар. Существительное *боронь* имело два значения: первое — *ругна*, *луста*, т. е. бой, битва, сражение, и второе — *помеха*, *препятствие*.¹⁵ Но вот является его неполногласный дублет *брань* с тем же значением. Русские люди используют эти два варианта своеобразно: полногласное образование получает значение *защита*, *оборона*, а за его неполногласным дублетом закрепляется другое, быть может, более важное значение — *война*, *битва*, *сражение*. Приведем некоторый иллюстративный материал. Так в „Слове о полку Игореве” находим: „Ольговичи храбрыи князи доспели* *на брань*” (на битву, на сражение — М. С.) и там же: „Ярь Турь Всеволодь стоиши *на борони*, прыщеси на вои стрелами, гремлеши о шеломи мечи харалужными”. (Стоиши на оборони = обороня-

13 К сожалению, это высказывание акад. Ф. Е. Корша мною пока не обнаружено.

14 Л. П. Якубинский. О языке „Слова о полку Игореве”. Доклады и сообщения Института Русского языка АН СССР. 1948 г., кн. 2.

15 „Материалы...” И. И. Срезневского, т. I, стр. 154.

* По техническим причинам вместо букв „ять” и „юс малый” печатаются буквы е и я с жирным шрифтом.

ешь, защищаешь — М. С.). То же находим и в других памятниках. Приведу примеры из Новгородской I летописи: Когда бяше *брани* быти на поганых, тгда ся начаша бити межи собою (6726), Юрии . . . самъ хоте особъ *брань* створити съ татары (6746); *Брань* створити съ фрягы (6712) и рядом: Поиди, княже, къ намъ *боронити* своея отчины (6856); Мне было вамъ княземъ великимъ быти, а вась мне было *боронити* (6907).¹⁶ Две *брани* съ ними учиниша (Иное сказание); *Брани* же и крови разливатися повсюду (там же); Вместо *брани* бысть миръ, а тако преста *брань* въ тои день". (Катырев—Ростовский¹⁷). Уже бо ста Туръ на *боронь* (Задонщина).

Глагол *боронить*, как переходный и несовершенного вида, отмечает последний 17-титомный „Словарь современного русского литературного языка", сопровождая его пометой „устар. и обл." и приводит такие примеры: „Бились, суда *бороня*, с Беотийцами вместе сражаясь". Гнедич. Илиада XIII 694.

Получив приставку *О* и другой суффикс — глагол *оборонять*, *оборонятся* является достоянием и нашего языка, сохранив свое бывшее значение — защищать, охранять, защищаться и т. д.

Но и неполногласное образование *брань* имеет свою сложную историю. Оно теряет свое прежнее значение, так как обрастает значительным рядом синонимов: бой, битва, война. Вероятно, первоначально оно получает значение междоусобицы, ссоры, распри, о чём свидетельствуют факты уже XVI века. Так в „Домострое" читаем: *Брань* и побои и гневъ никако же не было (Конш. 38); И гостя пьяново беречи, чтобы не истеряль чево и *брань* бы не была (49); А на дороге и в пиру и в торговле отнюд самъ *брани* не зачни (64).

Упомянутый выше 17-томный словарь отмечает значения этого существительного: 1. — оскорбительная ругань; 2. Устар. — война: „Поют потехи *брани*, дела былых времен, и взятие Казани, и Астрахани плен". А. К. Толстой. Кн. Михайло Репнин; (Пленник) Любил их жизни простоту, гостеприимство, жажду *брани*. Пушкин. Кавк. пл. и, наконец, значение уже переносное *борьбы*, — что и подтверждается цитатой из М. В. Ломоносова: „Под видом ложным почтения богов Закрыт был звездный мир через множество веков. Боясь падения неправой оной веры, Вели всегдашню *брань* с наукой лицемеры". Письмо о пользе стекла. В этом отношении представляют интерес такие пары, как *городъ* — *градъ*, *ворота* — *врата* и др. Обращение к текстам дает возможность полагать, что образование *городъ* широко использовалось в нашем значении, а его неполногласный вариант *градъ* означало крепостную стену, кремль.¹⁸

16 „Материалы" И. И. Срезневского.

17 Повесть князя И. И. Катырева-Ростовского. СПб, 1908, стр. 139.

18 Размеры статьи не дают возможности привести значительный иллюстративный материал. Его я дам в других моих статьях.

К ИСТОРИИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПСКОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

(ВЛИЯНИЕ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА -Ў НА ИМЕНА
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ОСНОВОЙ НА -О)

И. Х. Тот

Влияние имен существительных с основой на -ў на склонение существительных с о — основой — один из важнейших процессов, протекавших в истории существительных. Несмотря на большое количество работ, затрагивающих проникновения флексий основ на -ў в о-основы, вопросы связанные с влиянием основ на -ў на основы -о- не являются окончательно решенными.

Новые материалы, привлеченные из источников, помогают нам более детально изучать процессы усвоения некоторых флексий основ на -ў именами существительными с основой на -о.

Ниже мы проанализируем случаи употребления флексии у в род. пад. ед. ч. у существительных с основой на -о в Псковских летописях. С этой целью были нами использованы три Псковских летописи: Псковская первая летопись по Тихоновскому, Псковская вторая летопись по Синодальному, Псковская третья летопись по Строевскому спискам.* Псковские летописи изучались нами по следующим изданиям: Псковские летописи. Вып. I, М., 1941, Вып. 2, М., 1955.

При анализе данных Псковских летописей принимались во внимание только те существительные с основой на -о, принадлежность которых к этому типу не вызывает сомнений. Если можно предполагать, что какое-н. существительное можно относить к основам на -ў, то мы его относили к существительными с основой на -ў, а при рассмотрении существительных с основой на -о не занимались им. При группировке существительных по основам мы исходим из результатов Р. Эккерта.¹ Нам кажется, что этот метод позволяет нам получить более точное представление о влиянии существительных с основой на -ў на существительные -а-основ.

В наших источниках мы нашли следующие примеры:

Син: до великого *риму* 159. в., (но из *рима* 208) от *полку* андреова 800 мужь 167, *оу волысту* 170, с *низу* 170, до *крому* 180, от *крому* 180 б, до *году* 187 б, того *мору* оубоявша 190 б, от *грому* 191 б, 194 б, 202, *приведоша* с собою скота и *животоу* много 203, около *крому* 215, от *скоту* ни оставиша ни куряти 216, *скоту* много посекоша 216.

В Син мы нашли 10 существительных, оканчивающихся в род. ед. ч. в 15 случаях на -у. Из них 8 односложных слов: *годъ, громъ, моръ, низъ, полкъ, римъ, скоть*. Двусложных два: *животь, волысть*.

Мы обнаруживали предложные конструкции в 12 случаях. Это составляет подавляющее большинство случаев употребления флексии -у. Чаще всего

* В дальнейшем мы будем пользоваться сокращением наших источников: Син = Синодальный, Стр = Строевский, Тих = Тихановский список.

1 Р. Эккерт. Основы на -ў в праславянском языке. Ученые записки Института славяноведения. т. XXVII, М., 1963, стр. 126—127.

употреблен предлог *от* (6 раз), потом предлог *до* (3 раза), *около* по одному разу.

Флексия -у обнаружена нами в беспредложных конструкциях 2 раза, именно после слова много (род. количества) и с глаголом *бояти ся*. Последний случай можно сравнить с примером из современного русского языка: *бояться холоду*.

Стр: *преж сего горкого (sic) часу* 1 б, *до полку* 1 б, *оу мосту* 3 б, *оу алыстоу* 12 в, *с низу* 12 б, 13 б, 35 б, *много товару* поймавшие 46, *быль оу него полу-четверта году* 46 б, а всего *полону* бяше 1100 *моуж* 47 б, *полону* много *при-ведова* 48, *оусретоша их оу вроду* 52 б, *от грому* 69 б (bis), 70 (ter), 90 б, 91 б, 93, а *креому* ублюде 70 б, *соудоу* своего *оу* Пскова *просить* 74, в Волховского *мосту* девять *огородень* *выдрало* 77 б, *от риму* 78 б, *стояль оу торжску* 79, *быша тамо боле году* 81 б, *живота и товароу* много *погоре* 82 б, *до Череского мостоу* 88., *от того пожару* 91 б, *много животоу* *пограбивша* 94, *не стоя часоу* 103, *с полтора году* 123 б, *выше старых конець мостоу* *запсковьского* 123 б, *с полтора часу* 128 б, *того срокоу* *хотим* *также* *держати ся* 133, *с 300 полоноу* 141, *конем доволно (sic) корму* *давать* 155 б, *не оумети кормоу* *продавати* 161 б, а всего *езду* и *сем* и *тамь* 8 *недель* 184 б, *от сего четвергоу* 185, *до торжкоу* 185, *сталь от торжкуо (bis)*, *опречь* *своего* *святительского соудоу* 191 б, *стояша на выбуте оу бродоу* 199, *с крому* 203 б, 3000 *четверти солодоу* 207 б, *а гороху* 360 *четвертеи* 207 б, *от страха и трепетоу* 212, *много пленоу* *выведоша* 216 б, *полоноу* *много* *вывели* 217 б, *без снегу* 217 в, *а пленоу* *безчислено* *множество* 221, *мосту* *не выводили* 222, *лед сверху мосту* *ростаяль* 222, *петрова постоу* 226, *полону* *много* *взяша* 229 б, *у череского мосту* 238 б, *от мору* 238 б.

По нашим данным 28 существительных оканчивается на -у в род. пад. ед. ч., в 59 случаях. Среди них 17 односложных и 11 двусложных существительных.

Односложные: *бродь, чась, годь, громь, ездь, кромь, морь, мость, низь, плень, полкъ, полъ, пость, римь, снегь, срокь, страхь*.

Двусложные: *алысть, четвергь, горохь, креомь, пожарь, полонь, солодь, торжсоць, товарь, трепеть, животь*.

Существительные последней группы из 59 случаев оканчивались на -у 18 раз. Пропорция односложных и двусложных существительных, оканчивающихся в этом падеже на -у 41:8, что убедительно свидетельствует о том, что односложные существительные чаще получают флексию у в род. пад., чем двусложные.

Среди наших примеров встречаются и предложные и беспредложные конструкции. С предлогами вышеупомянутая флексия употреблялась в 33 случаях, а без предлогов в 26 случаях. Предлог *от* употребляется 13 раз, *у* — 8 раз, *с* — 6 раз, *до* — 3 раза, другие предлоги всего 3 раза.

В беспредложных конструкциях чаще встречаются родительный количества (16 раз), родительный части целого, (3 раза), родительный после отрицания (3 раза), род. при сравнении (3 раза), род. принадлежности (2 раза). Другие случаи — 2 раза.

На основе наших данных можно сделать следующий вывод: флексия -у в род. пад. ед. ч. в Стр чаще всего употребляемая в предложных конструкциях в следующих случаях: род. количества и части целого, а также после отрицания и сравнения.

Следует отметить, что растет число заимствованных слов, с которыми употребляется флексия -у. В Син оканчиваются на -у слова: *римъ, волысть*, а в Стр кроме них еще слова *плень* и *постъ*. Они под влиянием живого языка усвоили флексию -у. Тих: у *волысту* 23, всего *полону* взя 11 тысяч 36, оу *броду* 40, много паде снегу 44, от *грому* 52, 52 б, 68 б, 71, волховского мосту девять огородень выдрало 56 б, от *риму* 58, стояль оу торжоу 58 б, до черешского мосту 66, оу креому 85 (bis), спреду 86 б.

По нашим данным в этом списке всего в 15 случаях встречается флексия -у в род. ед. ч. Они приходятся на 9 слов. Из них 5 односложных: *бродъ, громъ, мостъ, римъ, снегъ*, двусложных — четыре: *креомъ, полонъ, торжокъ, волысть*.

Что касается конструкции: спереду следует заметить, что ее можно считать конструкцией, перешедшей в разряд наречий. В предложных конструкциях флексия -у встречается 13 раз.

Частотность предлогов такова: *от* (6 раз), *у* (4 раза), *с, до* (по одному разу). В беспредложных конструкциях род. количества обнаружен нами 2 раза, а род. принадлежности 1 раз.

В списках Син, Стр, Тих следующие существительные оканчиваются на -у в род. пад. ед. ч.:

Односложные: *бродъ, часъ, ездъ, годъ, громъ, кромъ, кормъ, моръ, низъ, плень, полкъ, постъ, предъ, римъ, скотъ, снегъ, срокъ, судъ*.

Двусложные: *алысть, четверть, горохъ, креомъ, полонъ, пожаръ, солодъ, торжокъ, товаръ, трепеть, волысть, животъ*.

На основе изученных трех списков Псковских летописей можно установить, что флексия -у в них встречается как в предложных, так и беспредложных конструкциях.

В предложных конструкциях предлоги употреблены в следующем порядке следования:

от	24 раза
у	13 раз
с	8 раз
до	7 раз
другие предлоги	4 раза

Среди беспредложных конструкций на первом месте стоят конструкции: родительный количества и родительный части целого (22 случая) затем следует флексия, употребляемая при отрицании и сравнении, а также родительный принадлежности (по 3 раза). Вышеупомянутые существительные можно разбить по значению на следующие группы:

1. Вещественные и собирательные существительные: *горохъ, кормъ, плень, полонъ, полкъ, снегъ, скотъ, солодъ, судъ, товаръ*.

2. Существительные, обозначающие место: *алысть, бродъ, кромъ, креомъ, мостъ, низъ, римъ, торжокъ, волысть*.

3. Отвлеченные существительные: *четвергъ, годъ, громъ, ездъ, моръ, пожаръ, постъ, срокъ, трепеть*.

Подытоживая наши наблюдения, можно прийти к следующему выводу: в Псковских летописях как односложные, так и двусложные существительные, обозначающие или названия материалов, или место или отвлеченные понятия могут иметь флексию -у, которая обнаруживается, как в предложных, так и в беспредложных конструкциях.

Особенно часто появляется флексия -у после предлогов *от, у, до, с*. Среди беспредложных конструкций особенно часты: родительный количества, родительный части целого. Соотношение односложных и двусложных существительных 31:16, в пользу первых, что говорит о перевесе окончания -у в односложных существительных.

С точки зрения акцентологии эти существительные можно распределить на следующие группы:

1. Ударение не на последнем слоге: *часъ, бродъ, годъ, горохъ, громъ, кромъ, кормъ, моръ, мостъ, низъ, пленъ, полонъ, пожаръ, римъ, снегъ, солодъ, трепеть, товар*.

2. Ударение на флексии: *четвергъ, полкъ, постъ, скотъ, судъ, торжокъ, животъ*.*

Особенное внимание обращает на себя существительное *четвергъ*.

По мнению Шахматова А. А., в употреблении окончания -у в род. пад. ед. ч. особого ограничения не обнаруживается, так как и существительные с конечным ударением и существительные с ударением на основе встречаются с флексией -у. В современном русском языке только вещественные и собирательные могут иметь ударяемое -у: *песку, табаку*.² Существительные с отвлеченным значением не имеют флексию -у в род. пад. ед. ч. Такого разграничения не было в древнерусском языке: т. к. существительные независимо от их лексического значения могли оканчиваться на ударяемое -у: *мостку, торжку, четвергу*. Подобное явление можно наблюдать и в белорусском языке,³ в котором кроме существительных с вещественным значением еще и существительные, входящие в две другие категории, могут оканчиваться на -у, как в памятниках, так и в говорах: *хранту, огну, смерть скоту*.⁴

Слово *четвергъ* с флексией на -у в род. пад. ед. ч. не встречается в современных русских говорах, но известно оно из летописи — Аврамки.

Следует заметить, что слово *скотъ*, которое во многих памятниках имеет конечное ударение, имело первоначально ударение на основе. Такой вывод позволяет сделать сербское ударение: *скот*.⁵

Для нас остается неизвестным ударение следующих слов: *волысть, алысть, предъ*. Слово *кромъ* предположительно имело ударение на конце.

Если не принимать во внимание слова, ударение которых мы не знаем, и слово *скотъ* отнести к словам с ударением на основе, то у нас 17 слов с ударением на основе и только 7 существительных с конечным ударением.

С. П. Обнорский доказал, что существительные *бродъ, годъ, громъ, мостъ, низъ, полонъ, пожаръ, солодъ* имели нисходящую интонацию⁶ в общеславянском языке.

Интонация слова *кромъ* не совсем ясна. Корни с нисходящей интонацией **pein-*, **sold-*, которые по акцентологическому закону могли оканчиваться

* Так как ударение в названных выше изданиях Псковских летописей не обозначается, мы считали нужным учитывать ударение этих существительных в современном русском языке.

2 А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957, стр. 245, 246.

3 А. А. Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича. Известия ОРЯС. т. XVII, (1912) ин. 2, стр. 348.

4 Е. Ф. Карский. Белоруссы. М., 1957, стр. 123, 124.

5 С. И. Катков. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М., 1963, стр. 151.

6 С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I, Л., 1927, стр. 172.

на флексию -у, имеют и в наших источниках флексию -у. Среди наших данных 10 существительных, относительно которых можно доказать осуществление акцентологического закона. В этих случаях в общеславянском языке было существительное с кратким, или нисходящедолгим ударяемым гласным в основе. Условия интонации, будучи сходными с условиями основы на -й̆, могли дать фонетическое основание влияния основ на -й̆.

Остальные существительные не говорят в пользу влияния акцентологического закона. Встречается даже такой случай, который решительно противоречит ему.

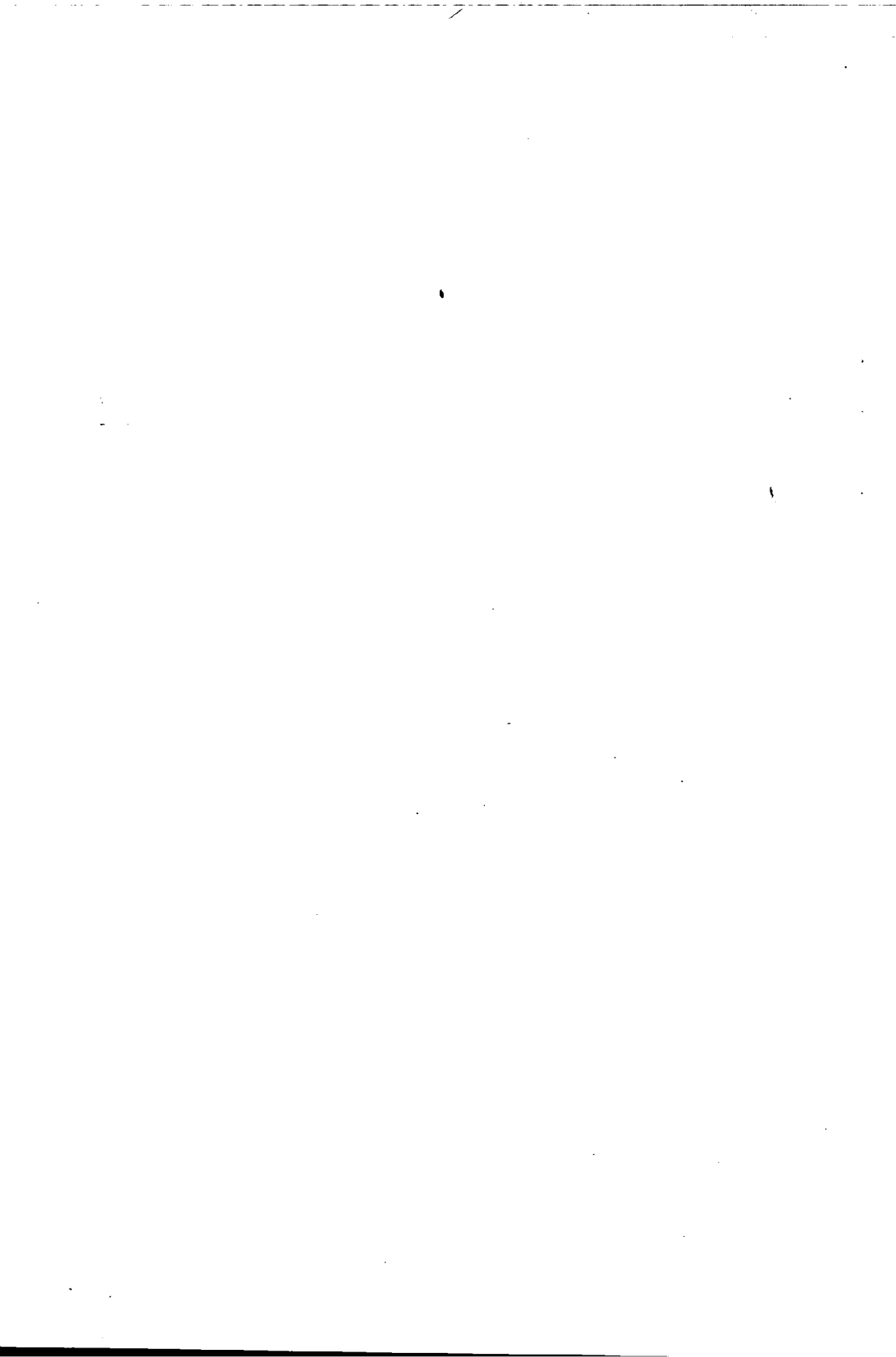
По мнению С. П. Обнорского⁷ в варианте общеславянских сочетаний *tort, tolt, tert, telt* с восходящей интонацией неизвестна в современном русском языке флексия -у. Существительное *горохъ*, судя по ударению, в общеславянском языке имело восходящую интонацию, но несмотря на это, в современном русском языке может оканчиваться на -у: „Мимо *гороху*, да мимо девки так не пройдешь”. „Житие что *гороху* при дороге”, При северяке *гороху* не сеют.”⁸ Известна эта форма и памятникам русского языка: *гороху* из *оброковъ*, Русская правда.

Относительно 13 существительных нельзя установить действие акцентологического закона.

Наши данные, привлеченные из Псковских летописей, *полностью* соответствуют семантическим классам, установленным А. А. Шахматовым. Влияние акцентологического закона появляется только у части существительных, имеющих флексию -у, в род. пад. ед. ч. Употребление флексии -у в род. пад. ед. ч., видимо, не ограничивалось ударением: существительные с конечным ударением также могли оканчиваться на -у, т. к. ударение на -а, также вытеснялось флексией -у.

7 С. П. Обнорский. Указанная работа. стр. 174.

8 Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. I, М., 1955, стр. 382.

ДАННЫЕ К ПАДЕЖНОМУ СИНКРЕТИЗМУ НА ОСНОВЕ „ПОВЕСТИ ПРИХОЖЕНИИ СТЕФАНА БАТОРИЯ НА ГРАД ПСКОВ”

И. Х. Тот—Э. Хоргоши

I. Некоторые вопросы совпадения форм имен существительных с основой на -а, -ја в Р, Д, М пад. ед. числа, т. е. вопросы падежного синкретизма уже были затронуты на страницах наших Материалов.¹ Псковские памятники тоже свидетельствуют о наличии этого процесса в древнепсковском говоре. В нем вырабатывалось три системы падежного синкретизма: две в твердом варианте, одна в мягком:

I	II	III
И. жена	жена	земля
Р. жене	жены	земли
Д. жене	жены	земли
М. жене	жены	земли

Они хорошо отражаются в таких памятниках, как Псковские летописи, хорошо передающие особенности живого древнепсковского говора. Но можно их обнаружить и в других памятниках.

II. Следы падежного синкретизма мы прослеживаем по данным „Повести о приходе Стефана Батория на град Псков”.² „Она написана типичным для книжников второй половины XVI века несколько искусственным языком, архаизированным строем речи, но сквозь эту витиеватость, изысканную, шумящую риторику весьма часто пробивается живой русский язык, сочный и образный, с пословицами, поговорками и меткими остротами на счёт врага”.³ Ниже мы покажем обнаруженные нами формы падежного синкретизма „Повести” в Р, Д, М пад. ед. ч. твердого варианта существительных с основой на -а, ја.

а) Флексия на -ы -и встречается в Р ед. ч.: от таковы воды 15 б, от Великие реки 22. со стены 29 б, и пр.

б) Падежные формы на -ы -и в Д. ед. числа показывают воздействие мягкой основы на твёрдую:

ко чесные раки. 20 б. король паки побежав к Черехи реки 22 б. Начаша к городу копати великие борозды от своих станов по большой Смоленской дороги. 22. к Великой реки. 23 б. по Большой Окольной стѣны. 24 б., но там же находится и форма „по стене”. Заводные же замки ремнем приведены к личиньки ларца 52. А у наряду велел быти воеводы угровецкому, пану Юрью Зиновьеву, старосты Чечерскому, 17.

1 И. Х. Тот. К истории склонения имен существительных в Псковских летописях. *Dissertationes Slavicae* III. Szeged, 1965. стр. 7—20.

2 Мы пользовались в нашей работе изданием В. И. Малышева, в основу которого положена Вязнисковская рукопись, восходящая к концу XVI или началу XVII в. В. И. Малышев. *Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков*. М.-Л. 1952. Мы ссылаемся на лист рукописи.

3 Указ. изд. стр. 27.

- в) Примеры на окончание *-ы (-и)* в М пад. ед. ч. Смешение падежных окончаний наблюдается в следующих конструкциях:

В правой руки поставляет пана яна Тишку . . . В левой же руке повелевает быти пану яну Глебову 17. В этих случаях в одном и том же слове возможно двоякое окончание М. п. ед. ч. -и -е. Государевы же дети боярские на том же месте, на Черехи реки, на заставе бяше. 21. и тако в той выласки многих добре сдавных . . . убила 50 б.

III. Подводя итоги нашим наблюдениям, можем сделать следующие выводы:

1. В „Повести” встречается исключительно второй тип падежного синкретизма: т. е. совпадение Р, Д, М падежей в флексии *-ы (-и)*.
2. Флексия *-ы (-и)* обнаруживается и у существительных с ударением на основе и у существительных с ударением на окончании. Как разновидность окончания *-ы* встречается и флексия *-и* у существительных, имеющих в основе заднеязычные согласные *к, г* как под ударением, так и без него.
3. Флексия *-ы (-и)* встречается в небольшом количестве слов. Она представляет собой местную разновидность, — причем неисключительную — языка „Повести”. Наряду с ней употреблена и характерная для русского языка флексия *-е*.
4. Следы синкретизма в „Повести” показывают как сильно было влияние живого, народного языка на язык литературы во время возникновения „Повести”.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ВРЕМЕНИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ДИСТРИБУТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Пете

Обстоятельство времени со значением дистрибутивности обозначает *повторяемость* момента действия или продолжительности действия во времени. Дистрибутивные обстоятельственные отношения со значением времени¹ вследствие повторяемости действия всегда имеют и *разделительное* значение. Поэтому мы не можем согласиться с Р. Мразеком, который к дистрибутивным обстоятельствам относит и такие конструкции, как, например, *Веками лежали эти земли бесплодные и почти неизменные* (Николаева, Жатва), в которых выражается просто продолжительность действия во времени без разделительного значения этой продолжительности². Причиной ошибки Мразека может служить тот факт, что целостное действие вследствие способа обозначения временной продолжительности „субъективно” воспринимается разделительным.

Мы различаем два основных типа дистрибутивных обстоятельственных отношений со значением времени: 1. первый тип обозначает повторяемость *момента* действия во времени, 2. второй тип обозначает повторяемость *продолжительности* действия.

В связи с этим подразделением отметим, что Л. С. Малаховская не всегда последовательна в своих выводах. В своей работе Малаховская в одном месте творительным дистрибутивным называет творительный, „имеющий только разделительное значение без оттенка количества времени”. Творительный же с оттенком количества времени она называет творительным меры времени. Но в этой же работе на следующей странице пишет уже о том, что „творительный дистрибутивный кроме значения разделительности имеет значение меры времени”.³ Это последнее высказывание Малаховской более соответствует общим представлениям о дистрибутивности действия во времени.

1. Дистрибутивные обстоятельственные отношения, обозначающие момент действия, могут выразить *регулярную* или *нерегулярную* повторяемость момента действия во времени. Такие конструкции отвечают на вопрос *когда?*

1.1 Конструкции, выражающие регулярную повторяемость момента действия во времени, следующие:

1 Относительно дифференциации обстоятельственных отношений со значением времени пишется в моей статье „К сопоставительному изучению обстоятельства времени”, „Филологические науки”, 1965/4, стр. 174—180.

2 ROMAN MRÁZEK, Užívání prostého instrumentálu v současné ruštině. Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české, II. Praha, 1961. Nakladatelství Československé Akademie Věd, Studie syntaktické.

3 Л. С. Малаховская, Творительный времени. Сб. „Творительный падеж в славянских языках”, Академия наук СССР, М., 1958, стр. 234—235.

тали тёмный свой намет (Надсон, Три ночи Будды). Заволновалось, зашумело Алешино, Что ни день, то собрание (Гайдар, Дальние страны)⁵. — Что ни день, он приходит к нам. Что ни год, уменьшаются силы.

1,2 Дательный падеж существительных во множественном числе с предлогом *ПО* может выражать регулярную или нерегулярную повторяемость действия во времени. Глагольная часть таких двухчленных сочетаний употребляется только в несов. виде. Например: *По выходным дням он ходил на пляж. Врач принимает по вторникам и четвергам. По праздникам она надевала нарядное платье. Мы встречались по вечерам. По ночам я часто слышу какие-то звуки. По утрам я делаю гимнастику. По временам я читаю интересный роман. При советской власти завод „Электросила” рос не по дням, а по часам*(фразеологизм — „очень быстро,,).

Слова НЕДЕЛЯ, МЕСЯЦ, ГОД, ВЕК в таких сочетаниях не употребляются. Названия времён года и месяцев в современном русском языке в таких конструкциях являются устаревшими или диалектными. Напр.: *По зимам он ездил в Петербург* (Тургенев, Бурмистр) *Я его по зимам на себе ношу*, потому как холод этот самый диомид не любит (Мамин-Сибиряк)⁶.

Слова *неделя и месяц* с предлогом *по* встречаются в единственном числе. Напр.: *Начальство печей не топило по неделе . .* (Слов. сов. русск. лит. языка, т. 10, стр. 9). *Ты в большие начальники пошёл, по месяцу дома не бываешь .* (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды, стр. 342). Здесь выражается дистрибутивность продолжительности действия. В литературном языке такие сочетания вообще не употребляются.

1,3 Творительный падеж существительных *вечер, ночь, утро, день, зима, весна* (очень редко), *праздник* во множественном числе, далее наречия *минутами, моментами, временами и порой* выражают тоже регулярную или нерегулярную (временами и порой — нерегулярную) повторяемость действия во времени. Например: *Мы встречались вечерами/по вечерам. Ночами/по ночам он читает. Праздниками/по праздникам они работали на стройке дачи. Жаркими летними днями, в духоте и пыли шли солдаты 2-й армии Самсонова* (Брагин, От Москвы до Берлина). С каждым годом, *веснами*, на нём всё обильнее разрастались, ярче зеленели сорные травы . . (Горький, Дело Артамановых). *Минутами* её уверенность была так велика, что она готова была послать домой телеграмму (Панова, Спутники). *Зимами* жизнь *тепелась* в уцелевшем крыле дома (Леонов, Русский лес). *Временами* дорога прорывалась через такую гущу лещины, что нужно было сидеть согнувшись (Паустовский, Повесть о лесах). *Порой* сквозь тучи *выглядит луна* (А. К. Толстой). *Временами/по временам* чувствуются сильные боли. (Ушаков). Слова *лето* и *осень* в таких сочетаниях не употребляются. Этот тип сочетаний мы выделили в особую группу потому, что в них дистрибутивное обозначение момента действия сплетается с *продолжительностью* действия во времени.

Существительные, обозначающие большие временные единицы, в творительном падеже мн. числа могут выражать и *продолжительность* действия без дистрибутивного значения. В этом случае речь идёт о единичных действиях. Ср.: *Я уже неделями не встречался с ней* (нет дистрибутивности) — *Я неделями не встречаюсь с ней* (дистрибутивная продолжительность). Транс-

5 Словарь современного русского лит. языка, т. 17, стр. 1124.

6 Последний пример взят из работы А. А. Кока: „Конструкции с временным значением в современном русском языке”. Сб. „Вопросы изучения русского языка”, Алма-Ата 1955, стр. 89.

формационные возможности таких конструкций говорят также о том, что они выражают только продолжительность действия во времени. Напр.: Я уже несколько часов стоял не встречаясь с ней. Суп часами стоял на огне/Суп несколько часов стоял на огне. В своё время он месяцами копил деньги (Караваева, Огни)/ В своё время он несколько месяцев/ много месяцев/ целые месяцы копил деньги. Я пила вина, которые столетиями хранились в подвалах французских королей (Салинский, Барабанщина) Я пила вина, которые несколько столетий /много столетий/ целые столетия хранились в подвалах французских королей. Веками пустыня лежала нетронутая. Веками она копила богатства. Теперь мы их отнимаем (Паустовский, Карабугаз). Годами живёт заграницей (Ушаков). Он уже месяцами не был дома.

В зависимости от контекста существительные в творительном падеже единственного числа также могут выражать дистрибутивное временное отношение. Напр.: Летним вечером приятно сидеть на веранде. Однако в дистрибутивном значении чаще употребляется множ. число: Летними вечерами мы с ним часто сидели на лугу.

2. Обстоятельство времени со значением дистрибутивности может обозначать повторяемость продолжительности действия во времени.

а) Следующая конструкция кроме временной дистрибутивности выражает часто и постепенное усиление интенсивности процесса действия, на которое указывают обычно слова *больше, всё*, сравнительная степень прилагательного, или же контекст (вернее, значение глагола таково, что с каждым повторением действия качество предмета проявляется всё в большей степени). Напр.: С каждой минутой больному становилось хуже /становилось всё хуже/ становилось всё хуже и хуже/всё более и более становилось хуже. — Путь с каждым часом становится всё хуже и хуже (Чехов, Горе), А с каждым месяцем неосуществлённых намерений набиралось всё больше (Кетлинская, Дни нашей жизни). Даша очень похорошела за это лето и словно хорошеет с каждым днем (А. Толстой, Хождение по мукам), Положение с каждым днем обострялось (Эренбург, Падение Парижа).

В таких конструкциях могут употребляться и такие существительные, которые не обозначают временные единицы и только метонимически связаны с временем. Напр.: С каждым шагом укорачивалось расстояние между ним и Аночкой. . (Федин, Первые радости), Но с каждой новой встречей я убеждаюсь в том, что это невозможно (Каверин, Два капитана).

В. М. Филиппова указывает, что в значении таких сочетаний „появляется оттенок образа действия, который создаётся лексическим значением слова *каждый* в его сочетании с существительным. Этот оттенок в то же время качественно характеризует действие, указывая на усиление его”⁷. Трансформационные возможности таких конструкций показывают, что такой оттенок в них иногда может отсутствовать.

б) Двухчленные сочетания с предлогом *с* иногда тоже могут выражать дистрибутивное временное отношение. В таких случаях в них употребляются некоторые существительные „временного” значения. Дистрибутивность в этом случае субъективна, т. е. разделительность времени не связана с разделительностью действия, так как действие в данное время не прерывается.

7 В. М. Филиппова, Глагольно-именные словосочетания с временным значением в современном русском языке. Сб. „Исследования по грамматике русского литературного языка”, Академия наук СССР, Москва, 1955, стр. 189.

Такие конструкции выражают и усиления действия, в них в большей степени проявляется оттенок образа действия, чем в предыдущем типе сочетаний. Напр.: *Крепчал с минутами горный мороз...* (Фурманов, Мятёж), *Природная живость мальчика с годами всё более и более исчезла* (Короленко, Слепой музыкант), „... с годами... из порывистого, общительного юноши получился довольно холодный и нелюдимый в обращении человек (Леонов, Русский лес), *Домашние шутили, что со временем Варя обзаведётся семьёй в тридцать восемь человек...* (Леонов, Русский лес). В таких сочетаниях встречаются и глаголы совершенного вида.

в) Разные типы фразеологических сочетаний, которые слагаются из повторения одного и того же слова с предлогами в различных падежах, тоже выражают повторяемость действия во времени. По строению мы различаем следующие типы таких фразеологических сочетаний:

1. В сочетаниях с предлогом *из* употребляются следующие существительные: *секунда, час, день, год, месяц и век*. Напр.:

из секунды в секунду

из часа в час

изо дня в день

из месяца в месяц

из года в год

ДЕЛАТЬ ОДНО И ТО ЖЕ

Девка Маланья была обязана *подавать* самовар *из секунды в секунду* в известное время (Мамин-Сибиряк, Дикое счастье). Мы здесь, на шестой части земной суши, видим, как *изо дня в день, из часа в час* куётся новое, социалистическое общество (Киров). *Из года в год* он вёл метеорологические наблюдения (Вересаев, В юные годы). *Из века в век* цепенеет грозная неподвижная громада полей... (Салтыков-Щедрин, Коняга).

2. В сочетаниях с предлогом *за*, выражающих временное последование, употребляются только существительные *день, год, раз*: *день за днём, год за годом, раз за разом* — *День за днём идёт скрытая от глаз жестокая борьба* (Огонёк, 1964/14, стр. 16). *[Тит] был много старше меня и шёл тремя или четырьмя классами выше. Но бедняга был очень туп, и год за годом я нагнал его в последних классах* (Короленко, С двух сторон). *Из дула его орудия, раз за разом, выплескивало огонь*. (М. Буб.)⁸.

Сочетание *день за день* имеет значение образа действия. Напр.: *Имеются такие люди, которые живут день за день* (сочетание устарелое).

3. Подобные фразеологические сочетания образуют существительные *час, день, год, время* с предлогом *от*: *день ото дня, час от часу, год от года | год от году, время от времени*. Примеры: *Год от года росли и крепили наши колхозы* (Правда, 19/II, 1948). „... *стужа день ото дня всё больше и больше свирепет* (Салтыков, Пошех. стар.). *Час от часу опасность и труды становятся опасней и труднее* (Пушкин). *Время от времени поднимал голову из любопытства* (Леонов, Русский лес).

4. С предлогами *с* и *на* образуются следующие двойные фразеологические сочетания: *с секунды на секунду, с минуты на минуту, с часу на час, с неделю на неделю* (Словарь современного русского лит. языка), *с году на год/с года на год*. Примеры: *С секунды на секунду на этот двор и меж дубов*

8 Этот пример взят из вышеупомянутой работы А. А. Кока, стр. 93.

начали бы попадать снаряды (А. Толстой, По Галиции). *Марья каждый раз терпеливо объясняла ему, что с минуты на минуту из района должен приехать врач* (Чехов, У нас уже утро). *Со дня на день люди начнут прибывать* (Солухин, Рожд. Зернограда). *С часу на час может разразиться гроза* (Пушкин).

Все эти типы конструкций употребляются только со словами *день* и *год*. Следующие два примера делают ощутимыми смысловые и стилистические различия между этими синонимичными конструкциями:

Изо дня в день	}	МЫ ОЖИДАЕМ ИХ ПРИЕЗД
День ото дня		
День за днём		
Со дня на день		

Изо дня в день	}	МЫ ДОСТИГАЕМ ХОРОШИХ РЕЗУЛЬТАТОВ
День ото дня		
День за днём		
День за день		

Со дня на день в последнем типе примеров не употребляется. В таком случае они выражают дистрибутивность продолжительности действия во времени. Такие конструкции могут расширяться наречием *подряд*. Напр.: *Перелистай историю России, прочти её за годом год подряд*: о мужестве, о храбрости, о силе народа нашего страницы говорят (Гусев).

Первые типы примеров выражают дистрибутивность продолжительности такого действия, которое ещё не началось, но в любой момент может наступить.

2) Дистрибутивность продолжительности действия выражает творительный падеж существительных *час, сутки, месяц, неделя, ночь, вечер* во множ. числе с определением *целый* или без него. Слово *день* может употребляться в таком значении только с определением *целый*. С определением *целый* все вышеперечисленные существительные могут выражать подобное значение и винительным падежом во множественном числе. Ср. напр.:

Часами / целыми часами / целые часы бродить по парку.
Сутками / целыми сутками / целые сутки стоять на одном месте.
Неделями / целыми неделями / целые недели бродить по белу свету.
Месяцами / целыми месяцами / целые месяцы бродить по белу свету.
Годами / целыми годами / целые годы бродить по белу свету.
Ночами / целыми ночами / целые ночи мой друг просиживал над задачами.
Вечерами / целыми вечерами / целые вечера он просиживал на утёсе.
Целыми днями / целые дни он спорил с товарищем об улучшении работы.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО МЕСТА, ОБОЗНАЧАЮЩЕЕ ЛОКАЛЬНУЮ ПРОТЯЖЕННОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

И. Пете

Н. М. Александров такие обстоятельственные отношения считает самостоятельным типом и рассматривает их под названием „обстоятельство, выражающее локальную протяженность”¹. Академическая грамматика русского языка такие отношения относит к обстоятельствам меры, первой группой которых являются „обстоятельства, обозначающие меру пространства”². На наш взгляд те обстоятельственные отношения, для которых характерна тройственность направления (могут отвечать на вопросы *куда? где? и от-куда?*), по общему семантическому принципу правильнее отнести к обстоятельствам места. Цель данной статьи показать систему того отдельного типа обстоятельства места, который обозначает локальную протяженность. В Академической грамматике почти не упоминается о средствах выражения этого типа обстоятельственных отношений.

1. Для выражения локальной протяженности чаще всего употребляется предлог *в* с существительным в предложном падеже. Они отвечают на вопрос *где?* Напр.: *Мелкий, как пыль, снег кружится в воздухе. В трёх шагах ничего не видно* (Книга-календарь для детей, 1953/42). *В нескольких шагах нельзя было увидеть рядом идущего человека* (Арсеньев, Сквозь тайгу). В таких, конструкциях часто встречается предлог *от*, или реже другой предлог, которые служат ориентировкой при определении локальной протяженности) Напр.: *Леля остановилась в двух шагах от него* (Ф. Кнорре, Далёкий зов). „... *шесть автоматчиков... шагают метрах в ста от меня*” (Шолохов, Судьба человека). „... *директор прошёл мимо него в двух шагах*” (Куприн, В недрах земли).

При родительном сравнении предлог *в* отсутствует. Ср.: *не далее десяти шагов от меня — не далее, чем в десяти шагах от меня*.

Если выражается и временная продолжительность, которая нужна для преодоления локальной протяженности, то конструкция расширяется. Напр.: *В получасе езды от Москвы, в пяти минутах ходьбы от университета, в трёх днях пути от Москвы* (дорога в этом случае не употребляется).

2. Если при выражении локальной протяженности употребляются порядковые числительные или существительные „*расстояние*”, „*протяжение*”, то в конструкциях мы встречаем предлог *на* с существительным в предложном падеже. Напр.: *На восьмом километре к северу от Виницы... расположилось село Коло-Михайловка* (Огонёк, 1964/22, стр. 14). *На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы ещё с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход* (А. Солженицын, Матренин двор). „... *посрамленные донжуаны находились уже на почтительном расстоянии от него* (Нева, 1964/6, стр. 99).

1 Н. М. Александров, Проблема второстепенных членов предложения в русском языке. „Учёные записки Ленинградского пединститута им. Герцена”, т. 236, 1963, стр. 330.

2 Грамматика русского языка. Академия наук СССР, М., 1954, II/I, стр. 591—592.

На каком расстоянии от дома находится университет? К югу от реки Спасения на протяжении 12 километров берег опять становится возвышенным (Арсеньев, Сквозь тайгу).

Конструкция со словом *расстояние* редко может обозначать и локальную протяженность на вопрос *откуда?* Напр.: *Мы слышали шум на расстоянии пяти километров* (не „слышали с расстояния пяти километров”). „... не могла ничего разглядеть на таком далеком расстоянии” (Л. Надь, Случай на хуторе). Но: *стрелять с большего расстояния* (Неделя, 1966/44, стр. 15.)

Предлог *в* со словом *расстояние* в современном языке является устаревшим. Напр.: *По степи, не в дальнем расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами* (Пушкин, Кап. дочка).

3. Предлог *на* с винительным падежом существительного тоже может выразить локальную протяженность.

На вопрос *где?* эта конструкция обозначает связанное пространство. Напр.: *Мальчики знали всё, что случилось на двадцать километров вокруг* (Паустовский, Синева). Однако эта конструкция может обозначать и не связанное пространство. Напр.: *Казак шел впереди шагов на пять*. . (Горький, Дед Архип и Ленка). *Купец объявил сначала о том, что он едет в свое имение, которое отстоит только на одну станцию* (Л. Толстой, Крейцерова соната).

Эта конструкция употребляется и при выражении приближения к чему-н. Напр.: *Он подошел на три шага к нему. Нельзя до удара подходить к мячу ближе, чем на девять метров* (М. Кольцов, Стачка в тумане).

Та же конструкция может употребляться и при обозначении удаления действия. Напр.: „... *засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст*” (Тургенев, Хорь и Калиныч). „... *речушка... разлилась на целый километр*” (Шолохов, Судьба человека).

4. Локальную протяженность можно обозначать и предлогом *за*, который в данном случае употребляется с винительным падежом. Особенностью этой конструкции является то, что она может обозначать локальную протяженность на вопросы *куда? где? и откуда?* Ср. напр.: *Мы часто ездили за семь километров к нашим друзьям. Уплывают в открытое море за тридцать и более верст от берега* (Куприн, Листригоны) *Подруги бежали за три километра в военный санаторий смотреть кино* (Звезда, 1964/10, стр. 130) — *Эта речка, верст за пять от Льгова... (Тургенев, Льгов). За квартал до того места он выпрыгнул из вагона и опять побежал* (Федин, Братья). *Это было перед масленицей, в глуши, верст за шестьдесят от железной дороги* (Л. Толстой, Воскресение) — *За тысячи километров приезжали сюда молодые люди и девушки учиться. Мы слышали шум за два квартала. Огонь видно за 10 километров. Наконец приезжаю сюда, за 70 верст от дому, надеюсь получить, а меня угощают „настроением”* (Чехов, Медведь).

При выражении локальной протяженности со значением дистрибутивности употребляется предлог *через*. Напр.: *Через каждые двести метров — специальные заставы* (Огонёк, 1964/22, стр. 16).

Конструкции, которые могут обозначать и меру пространства, но не только её, правильнее отнести обстоятельствам меры. Напр.: *Мы прошли с километр | Он работает с год на этом заводе.*

ВЕНГЕРСКИЕ АРТИКЛИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С НЕКОТОРЫМИ ЯВЛЕНИЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ш. Кони

В венгерском языке существует два артикля: определённый „a”, „az” и неопределённый „egy”. Всякое отсутствие артикля мы будем условно называть нулевым артиклем¹. Основной функцией артиклей — как это видно и по их названиям — является выражение определённости и неопределённости. В русском языке артиклей нет, но значения определённости и неопределённости могут выражаться в русском языке лексическими и даже морфологическими средствами, порядком слов и интонацией.

Следует отметить, что значения определённости и неопределённости тесно связаны с коммуникативным заданием предложения. Категория „данного” или „известного” и „нового” или „неизвестного” существует и в русском языке². Известными и неизвестными могут быть любые члены предложения в зависимости от установки говорящего и слушающего. „Предметом сообщения, его исходным пунктом является обычно нечто известное для слушающего — „данное”; об этом известном сообщается нечто неизвестное — „новое”.³ Но определённое — неопределённое и данное — новое представляют собой не тождественные понятия.

Ср. *Ez az asztal. Ez egy asztal. Ez asztal.*

Во всех трёх предложениях данное — это указательное местоимение *ez*, а новое — существительное *asztal*, имеющее при себе в первом предложении определённый, во втором неопределённый, а в третьем нулевой артикль. В зависимости от этого эти простые нераспространённые предложения могут переводиться на русский язык по-разному: 1. *Это тот (самый) стол* (речь идёт об известном, знакомом предмете); 2. *Это какой-то стол* (когда речь идёт о неизвестном предмете); 3. *Это стол* (подразумевается: а не стул или тому подобное, значит венгерское существительное с нулевым артиклем тут означает родовое понятие.)

Артикли могут выражать не только определённость и неопределённость, но употребление того или другого артикля может вызываться и причинами традиционно-исторического порядка. Напр., при названиях рек всегда ставится определённый артикль, независимо от того, является ли данная река известной, определённой или нет.

Вопросами традиционно-исторического употребления артиклей мы заниматься не будем, так как в подобных случаях венгерский артикль не вы-

1 Ср. О. И. Москальская, Грамматика немецкого языка. М., 1956. стр. 115, 134—138. Однако термин нулевой артикль мы понимаем несколько иначе, чем О. И. Москальская.

2 К. Г. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, стр. 46.

3 К. Г. Крушельницкая, К вопросу о смысловом членении предложения. ВЯ, 1956/5, стр. 58.

ражает ничего, и в этом отношении венгерский язык справедливо может считаться языком без артиклей. Мы отметим только, что такие правила, как „определённый артикль употребляется перед названиями гор, озёр, морей, рек, звёзд, учреждений, гостиниц, книг, газет, журналов”⁴, не всегда осуществляются на практике. Напр., может быть такой вопрос: *Mit olvasol, Népszabadságot vagy Népszavát?* *Что ты читаешь, Непсабадшаг или Непсава?* В силу того, что предложение начинается с обобщающего слова *mit*, перед названиями газет „Непсабадшаг” и „Непсава” употребляется нулевой артикль. Кроме того это предложение может иметь и такое значение: *Вообще что ты читаешь (выписываешь)?* С другой стороны в такого рода фразах, как *Ott áll a Kossuth-szobornál*⁵ *Он стоит у памятника Кошуту*, определённый артикль вызывается не причинами традиционно-исторического порядка, а выражает ситуативную определённость. (В Венгрии множество памятников Кошуту!)

Венгерский определённый артикль может субстантивировать любую часть речи, напр., *a jó* „добро”; *az én(em)* „моё я” (онтологическое понятие); ср.: *Я ей не Он* (Пушкин) *Én nem vagyok neki a nagy Ő*.

I. Морфологические средства выражения определённости и неопределённости в русском языке весьма незначительны. В объяснении значений артикля помогает нам разница между употреблением родительного и винительного падежа при нескольких глаголах, требующих обоих падежей.

Русскому винительному соответствует венгерский винительный с определённым артиклем, русскому родительному (который при неполном охвате действием обязателен) соответствует венгерский винительный с нулевым артиклем. Это явление относится, как правило, к т. н. родительному партитивному.⁶

А. В связи с употреблением такого рода родительного возникают следующие вопросы:

а) При каких глаголах возможен такой родительный наряду с винительным падежом?

б) При каких существительных дифференцируются формы дополнения (в родительном или винительном падеже) в зависимости от неопределённости или определённости?

в) Употребление видовой формы глагола в таких словосочетаниях.

Мы постараемся дать ответ на эти вопросы.

а) Никогда не встречается объект в вин. падеже (1) при непереходных глаголах с аффиксом *-ся* и приставкой *на-*, напр.: *наестся, начитаться* (в такого рода словосочетаниях даже количественные слова не могут входить; нельзя сказать: *наестся много ягод*); (2) при переходных глаголах с приставкой *на-* со значением полноты, достаточности действия (в том числе и при глаголах, употреблённых в безличной форме), напр.: *накупил книг, наговорил глупостей, наварила каши, нанесло / навалило снегу*; (3) при переходных глаголах с приставкой *под-* со значением прибавления чего-л., напр.: *подсыпать соли* (в суп); (4) при переходных глаголах с приставкой *при-* со значением „дополнительного прибавления” (за редкими исключениями), напр.: *Каждая неудача прибавляет ума*.

4 К. Е. Майтинская, Венгерский язык, ч. I. М., 1955, стр. 280.

5 A mai magyar nyelv rendszere. I. Budapest, 1961, 271.

6 Ср. И. Пете, Родительный партитивный в современном русском языке. Scando-Slavica, Tomus XI. Copenhagen, 1965.

С другой стороны, напр., (5) глаголы с приставкой *по-*, выражающей партитивно-кумулятивный оттенок, могут присоединять к себе существительное и в родительном и в винительном падеже: *попечь булок* и *попечь булки*. По наблюдению А. М. Пешковского „*попить, поесть, почитать, послушать, посмотреть* и т. д. чаще чего чем что.”⁷

(6) К родительному партитивному — согласно мнению одних известных лингвистов — относятся словосочетания, где главное слово — глагол — *verbum desiderandi*. (В работах других языковедов это называется родительным цели или достигаемым.) В этот разряд входят глаголы *хотеть, желать, просить, ждать, искать, требовать, вымолить* и некоторые другие. В сопоставительном плане нас особенно интересуют глаголы *просить, искать, требовать и ждать*, потому что за употреблением родительного или винительного падежа часто скрывается категория неопределённости и определённости.

Ср.: *Pénzt kérnei* Просить денег.

A pénzt kérnei Просить деньги (речь идёт об определённой сумме, о которой уже известно).

Helyet keresni Искать места (какого-либо свободного).

Keresni a helyét Искать место (определённое, нумерованное).

Jutalmat követelni Требовать вознаграждения.

A fizetését követelni Требовать свою зарплату.

Várom a személyvonatot Жду пассажирский поезд (определённый, прибывающий в какое-то время по расписанию).

Vonatra várok или *várok egy vonatot* Жду поезда (одного из поездов).⁸

(7) Родительный партитивный употребляется и при ряде других переходных глаголов, которые до сих пор не были перечислены нами. Уже А. М. Пешковский (первое издание его книги относится к 1914 году) указывает на то, что „падеж здесь не связан с определённым разрядом глаголов, а может вообще употребляться при очень многих собственно переходных глаголах наравне с винительным, но со специальным разделительным значением (*брать, взять, купить, продать, доставать, запасть, жалеть, беречь, прятать, носить, возить, присылать, складывать, копить, собирать* и т. д. что и чего).”

По нашим представлениям глаголы *искать, ждать* и т. п. ярче всего нам показывают, что здесь речь идёт не столько о том, подвергается ли объект действию полностью или нет, а сколько о том, определённым или неопределённым является ли объект. При этом надо иметь в виду, что определение — как можно судить уже по его названию — часто вносит в подобного рода конструкции оттенок определённости. Ср.:

Она ищет упавшую иголку. *Keresi a leesett tűt.*

Он ищет нужную книгу. *Keresi a szükséges könyvet.* В последнем предложении выступает так называемая ситуативная определённость.

Итак А. М. Пешковский, разбирая проблемы родительного количественного или разделительного, прав в главном, когда пишет, что „в тех случаях, когда возможны оба падежа, винительный по сравнению с родительным приобретает добавочный оттенок определённости, выражаемый во многих языках определённым членом, ср. *просить денег* и *просить деньги* (о которых уже что-то известно), *купить хлеба* и *купить хлеб* и т. д.” (Указ. кн., стр. 299).

⁷ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении⁷. М., 1956, стр. 298.

⁸ Примеры по кн.: Д. Э. Розенталь, Практическая стилистика русского языка. М., 1956, стр. 284.

На основании сравнения таких словосочетаний как *купил книги* и *купил книг* или *послал денег* и *послал деньги*, мы можем установить, что первые варианты с вин. падежом не выражают представление об определённости, т. е. они двусмысленны: *könyvetket vett* или *megvette a könyvetket* и т. д. Это означает, что вышеприведённая формулировка А. М. Пешковского „винительный по сравнению с родительным приобретает добавочный оттенок определённости” выражает как раз обратное; лучше было бы написать так: „родительный по сравнению с винительным приобретает добавочный оттенок неопределённости.”

б) Нас интересует и вопрос, какие существительные (с каким семантическим значением) могут употребляться в качестве названий объектов, подвергающихся действию не полностью, а в какой-то своей части. Как указывается в Академической грамматике⁹ (т. II, ч. I стр. 124), сюда относятся имена существительные вещественные, собирательные и некоторые отвлечённые существительные. Однако А. В. Исаченко приводит такие примеры: *купить папирос*, *принести орехов*, *достать спичек*, на основании которых он приходит к заключению, что это явление связано „не столько со значением данных существительных, сколько с партитивным (отделительным) значением родительного падежа, допускающегося у всех существительных, с которыми могут сочетаться слова, обозначающие меру или вес.”¹⁰ В книге Крушельницкой мы находим такие примеры: *Он купил хлеба и вишен* (стр. 32); *Он взял с собой хлеба и денег* (стр. 39), но самым интересным является сопоставление предложений

Он принёс нам книги (все, которые обещал)

Er brachte uns die Bücher с одной стороны, — а с другой стороны:

Он накупил нам книг

Er kaufte uns Bücher (стр. 40).

Думается, не безынтересно обратить внимание на то, что 1) в последнем предложении в роли сказуемого выступает глагол *накупить*, с приставкой *на-* со значением полноты, достаточности действия, 2) в немецком переводе данного предложения употреблён глагол *kaufen* (а не *aufkaufen* или *zusammenkaufen*), 3) в Академической грамматике (т. II, ч. I, стр. 125) встречается *купить холста* и *накупить книг*, но нет *купить книг*.

Нам кажется, что конструкции типа *купить книг* свойственны современному разговорному языку. Этим объясняется, что данные словосочетания уже укоренились в книге Д. Э. Розенталя: *купить книг*¹¹ и в учебнике И. М. Пулькиной и Е. Б. Захава-Некрасовой: *Нужно купить тетрадей и карандашей*.¹² На наш взгляд в таких выражениях родительный падеж множ. числа (существительное не собирательное и не отвлечённое!) обозначает группу предметов, которая часто понимается почти как совокупность. (Ср. и варианты *попечь булок* и *попечь булки*.)

9 Грамматика русского языка. АНСС. М., 1954.

10 А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, ч. I. Братислава, 1954, стр. 116.

11 Д. Э. Розенталь, Культура речи³. М., 1964, стр. 95.

12 И. М. Пулькина и Е. Б. Захава-Некрасова, Учебник русского языка для студентов-иностранцев³. М., 1964, стр. 57.

в) Что касается школьных грамматик, то они вообще придерживаются такого правила: „Это возможно лишь при глаголах совершенного вида.”¹³ Академическая грамматика, трактуя соответствующие словосочетания, высказывает мнение, что здесь „главным словом обычно является переходный глагол совершенного вида” (т. II, ч. I стр. 124), но не приводит ни одного примера с глаголом несовершенного вида (т. II, ч. I, стр. 124—5, 563). А далее в ней говорится: „Такие глаголы, как *бросить, поднять, увидеть* и т. п., очень редко присоединяют к себе имя существительное в родительном падеже.” (Там же, стр. 124.) Примеры такого рода родительного при глаголах несовершенного вида приводит только А. М. Пешковский: ... *я подавал ей в постель что-нибудь, например, ростбифа* ... (Чехов)¹⁴ и И. Пете: ... *хожу, курю, выпиваю за завтраком водки и вина* ... (Л. Толстой); ... *не трогали его, даже давали ему хлеба* ... (Тургенев)¹⁵. В доказательство того, что родительный партиципный встречается и при ненаправленных глаголах, мы цитируем из рассказа „Бабы” А. П. Чехова предложение *Я ходил к ней и по человечности носил ей чайку, сахарку*.

Нам представляется, что случаи употребления родительного партиципного при глаголах несовершенного вида, приводимых в I. А. а. (7)-ом пункте настоящей статьи, очень редки, встречаются лишь при существительных — названий веществ, и в таких случаях глагол выражает или повторяемость действия или же то, что действует несколько лиц, при этом действие совершается одновременно, но несколько раз, — либо в разное время.

г) На то, что действие переходит лишь на часть предмета, не всегда указывает в венгерском языке нулевой артикль (с которым тесно связано употребление объектных или безобъектных форм глагола). Напр., если переводить русское предложение *выпей молока* на венгерский язык так: *igyál tejet!* или *tejet igyál!*, то здесь слово *tej* означает скорее вид предмета (родовое понятие), т. е. венгерское предложение имеет скорее такое значение: *пей молоко (а не воду или вино)*. И чтобы выразить смысл предложения *выпей молока*, приходится прибегать к употреблению других грамматических или лексических средств: *igyál a tejből* или *igyál egy kis (egy kevés) tejet* или *igyál egy keveset a tejből*.

Рассмотрим ещё один вариант. Так как в венгерском языке глаголы с приставкой *meg-* всегда имеют при себе определённое прямое дополнение, это приводит к тому, что такие русские предложения, как *он попробовал квасу* могут переводиться на венгерский язык лишь таким образом: *megkóstolta a kvaszt*. В силу приставки *meg-* употребляется перед существительным определённый артикль, но из самого лексического значения венгерского глагола *megkóstol* уже ясно, что глагол называет действие, которое может охватывать только часть объекта.

Несколько сходное с этой венгерской особенностью явление наблюдается и в русском языке. Глагол *заслуживать* требует постановки прямого дополнения в родительном, а глагол *заслужить* — в вин. падеже. Напр.: *Он заслуживает награды* *Jutalmat érdemel* (хотя возможно и *Megérdemli a jutalmat*);

13 Грамматика русского языка, ч. I. (Под ред. академика Л. В. Щербы). М., 1950, стр. 146.

14 А. М. Пешковский, указ. кн., стр. 298.

15 И. Пете, указ. статья. Scando-Slavica, Tom. XI. p. 196.

Он заслужил награду Megérdemelte a jutalmat.¹⁶ А. М. Пешковский тут употребляет термин родительный цены. (Указ. кн., стр. 299).

д) Мы можем наблюдать наличие род. партитивного и в предложениях типа *натекло воды, напало снега*, но тут существительное в род. падеже выступает уже в другой синтаксической функции — в роли субъекта. В. А. Богородицкий полагает, что родительный партитивный возник не прямо, а „на почве таких выражений, как *натекло много (мало) воды* . . . и т. п., а затем родительный падеж стал употребляться и при отсутствии слов количества.”¹⁷ Сравнивая предложение *натекло воды sok víz folyt be* с личным предложением *натекла вода víz folyt be* или *befolyt a víz* с одной стороны и предложения *выпил воды vizet ivott* или *ivott egy kis vizet* и *выпил воду kiitta (megitta) a vizet* с другой стороны, мы можем констатировать, что одно имя существительное в род. падеже не может обозначать ни часть объекта, ни значительное количество из возможного множества объектов. Такое значение придаёт словосочетанию только глагол, и при этом важно наличие приставки *на-* со значением полноты, достаточности действия. Такая приставка *на-* выражает представление о большом количестве (*sok*), остальные приставки или „нулевая” приставка — о небольшом количестве (*egy kevés*).

Б) Венгерскому предложению *Nem olvastam ezt a könyvet* соответствуют в русском языке два варианта: а) *Я не читал этой книги*; б) *Я не читал эту книгу*. (В венгерском языке после указательного местоимения *ez* всегда употребляется определённый артикль перед существительным.) Разница между обеими русскими конструкциями состоит в том, что словосочетания с родительным падежом характерны для книжной речи, а словосочетания с винительным падежом — для речи разговорной¹⁸. Следовательно оба падежа выражают определённую.

Однако, если речь идёт об определённом предмете, известном как говорящему, так и слушающему, винительный падеж при глаголе с отрицанием предпочитается: *Не забудь чемодан*. (Акад. грамм. т. II, ч. I, стр. 123).

В) В сугубо разговорной речи может служить эквивалентом венгерского определённого артикля „постпозитивный артикль” — *то* в русском языке¹⁹.

De hiszen a könyvet ott felejtettem.

Книгу-то ведь я забыл.

Az elvet meg is öltem. . .

Принцип-то я и убил. . . (Достоевский, Преступление и наказание)

По нашим наблюдениям только одна частица *-то* не выражает определённости. Эта частица лишь „помогает” другим средствам в выражении определённости. Напр., в приведённых предложениях главное средство выражения определённости — это порядок слов (выделение существительных на первое место). Аналогичные примеры: *Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание* (Гоголь, Мёртвые души); *Нынче и хлеб-то дорог. . .* (А. Островский, Не было ни гроша. . .)

А предложение *Не наклоняй знамя-то, эй не наклоняй* (Горький, Жизнь

16 В Словаре современного русского литературного языка упомянутые глаголы даются как видовые пары таким образом: „Заслуживать, заслужить внимания.” — Разве можно заслужить внимания?

17 В. А. Богородицкий, Синтаксис родительного падежа. Очерки по языковедению и русскому языку, изд. IV, М., 1939, стр. 213.

18 Д. Э. Розенталь, Практическая стилистика русского языка. М., 1965, стр. 276—7.

19 К. Г. Крушельницкая, Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961, стр. 52—53.

Клима Самгина) относится к пункту I. Б. настоящей статьи. (Винительный падеж при глаголе с отрицанием предпочитается, когда речь идёт о предмете, известном как говорящему, так и слушающему.) Кроме того, как нам кажется, встречаются и такие словосочетания, где частица *-то* примыкает к существительному, выражающему совершенно неопределённый предмет. Напр.: Я газет-то не читаю и ничего про это не знаю. (Чехов).

II. Когда определённый артикль употребляется при слове *ember* в неопределённо-личном смысле, часто выступает обобщающее значение артикля: *Azt hihetné az ember... Можно было бы подумать...* Но слово *человек* и в русском языке часто употребляется в значении местоимения *всякий* (т. е. любой человек). Предложение *Человек устал, а вы пристаёте с пустяками* может быть сказано вместо *я устал, он устал, NN устал...* и др. (Словарь Ушакова).

По нашим наблюдениям, когда соотносительное слово *то* или *это* употребляется как указательное слово на границе двух предложений, из которых второе является объяснением и истолкованием первого, то существительное, стоящее после слова *то* или *это*, обозначает известный предмет. Нужно при этом иметь в виду, что известность может быть не прямой, а косвенной. Напр.: *Блеснул яркий свет, потом покойный зелёный, — это лампу накрыли абазжуром* (Чехов); *Слышишь ржанье по долинам? | То табун несётся рысью* (Фет). Поэтому слова *это лампу* и *то табун*, хотя между ними не существует никакой грамматической связи, переводятся на венгерский язык следующим образом: *a lámpát, a ménes*. (Слова *это* и *то* в вышеуказанной функции синонимичны.)

Интересно отметить, что значение слова *неизвестный* не исключает того, что оно может выступать в предложении как известное. Напр.: *Вдруг он [Раскольников] узнаёт, что пришёл „неизвестный“, который справляется о нём.*²⁰ Авторы учебника поставили слово *неизвестный* в кавычках, потому что — как нам кажется — по их мнению этот „неизвестный“ был в какой-то степени известный, знакомый, ожидаемый человек. В венгерском переводе возможен определённый артикль: *az ismeretlen*.

В венгерской разговорной речи встречаются такие предложения, как *Nem akar dolgozni a бүдös kölyke* *Не хочет работать этот скверный мальчишка*; *Még harap is a ronda döggje* *Ещё и кусается эта противная бестия*. В русском переводе в таких случаях нельзя обойтись без указательного местоимения *этот*, которое в данных предложениях является эквивалентом определённого артикля.

„Значение“ определённого артикля может передаваться в русском языке и косвенно. Возьмём такие примеры: *Ő a tanító* *Это учитель* (ответ на вопрос *Кто это?*) и *Ő tanító* *Он учитель* (ответ на вопрос *Кем он работает?*). В приведённых венгерских предложениях *сказуемым* является слово *tanító*, но в зависимости от того, имеет ли оно при себе определённый или нулевой артикль, в соответствующих русских предложениях в роли подлежащего выступает слово *он* или *это*.

Как указывается в учебниках венгерского языка, перед порядковыми числительными обычно стоит определённый артикль²¹. Поэтому нас осо-

20 C. Frioux, A. P. Aleksitch, N. N. Lopatnikova, *Le russe vivant* (4ème année). Paris, 1962, p. 243.

21 Cp. A mai magyar nyelv rendszere. I. Budapest, 1961. 274. — К. Е. Майтинская, указ. кн. ч. I, стр. 284.

бенно интересует разница между значениями предложений 1) *A harmadik könyvet kérem, Дайте мне, пожалуйста, ту третью книгу* (подразумевается: слева, справа и т. п.) и 2) *Egy harmadik könyvet kérek Дайте мне, пожалуйста, какую-нибудь третью книгу*. Мы присоединяемся к мнению И. Бартона²², кто говорит, что артикль относится к числительному, а не к существительному, потому что „а harmadik könyv” то же самое, как „egy könyv, а harmadik”, т. е. речь идёт об одной книге и определено то, что она третья (справа, слева и т. п.)

Неопределённый артикль *egy* имеет два главных эквивалента в русском языке: *один* и *какой-то*. Русское неопределённое местоимение *один* выражает, даже подчёркивает неизвестность предмета для слушающего. Для говорящего предмет не является незнакомым, неизвестным. Напр.: *Виктор был независимый и рассеянный. Выпросил у Никиты перочинный нож с двенадцатью лезвиями и ушёл „к одному товарищу, — ты его не знаешь”, — играть в пёрышки.* (А. Толстой, Детство Никиты). Подчёркивание неизвестности предмета для слушающего при помощи „*один*” в русском языке необходимо, если не ясно, что предмет неопределённый. Напр.: *Эту историю рассказал мне один студент.*

Неопределённое местоимение *какой-то* указывает на неопределённость предмета для говорящего. Напр.: *Перед войной рядом с моим домом поселился какой-то человек* (Паустовский).

Из вышеуказанного становится ясным, что между значениями местоимений *один* и *какой-то* в степени неопределённости существует такая же разница, какую обнаружил И. Пете²³ между значениями *кое-кто* и *кто-то*.

Принято говорить: *Книгу читаю* или *Читаю одну книгу*, но *Читаю какую-то книжку* говорится лишь в редких случаях, напр., когда нет первых страниц, и читающий и сам не знает, какую он читает книжку.

Слово *один* особенно часто употребляется в разговорной речи, а также в народно-эпическом стиле. Напр.: *Я принесу тебе (одну) книгу, она тебе понравится.* Или: *Жил-был (один) старик.*

Особенным вариантом слова *один* является конструкция *один из* (+ род. п. существительного). Эта конструкция встречается чаще всего тогда, когда речь идёт не об одном предмете, а о нескольких, из которых нужно выбирать. Ср.: *Он стоял у одного вагона* и *Он стоял у одного из вагонов*. В последнем предложении подчёркивается, что там было несколько вагонов (целый поезд). На венгерский язык *один из* переводится обычно при помощи слова *egyik*.

В венгерском языке немного странно звучат предложения типа *Találkoztam egyik barátommal Я встретился с одним из друзей*, потому что тут подчёркивается, что у говорящего несколько друзей, а не один. Лучше будет просто: *Találkoztam egy barátommal Я встретился с (одним) другом*.

В русском языке, в силу широкого распространения конструкций типа *один из* (+ род. п.), оттенок „хвастовства”, как правило, не чувствуется. Такое чувство в слушателе может вызываться лишь предложением *Я говорил с одним из академиков* и т. п., где главную роль играет — как нам кажется — уже лексическое значение слова *академик*, а не конструкция *один из*.

22 J. Barton, L'emploi de l'article en anglais. В сб. ст. Traduction automatique et linguistique appliquée. Paris, 1964, p. 236.

23 И. Пете, Употребление неопределённых местоимений в русском языке. РЯШ, 1957/2, стр. 18—21.

Однако слово *один* в качестве определения используется в литературе как особый стилистический приём (напр., для подчёркивания каких-либо деталей в описании) и тогда, когда выбор невозможен, так как существует только один предмет. Напр.: *Он ясно видел уже одну фигуру рыжего артиллериста...* (Л. Толстой, *Война и мир*). В таких случаях обычно говорится: ... *фигуру одного рыжего артиллериста...* egy vöröshajú tüzér alakját...

В значении близком к слову *один* употребляется прилагательное *энский*. (Предмет должен остаться неизвестным для слушающего или не может быть указан; для говорящего предмет известен.) Напр.: *Командир энской части капитан Полканов сообщал сержанту Широкову, что он представлен к ордену Славы 2-й степени.* (Авдеев, *Гвардии сержант*). У А. Толстого слово *энский* пишется ещё с прописной буквы, у Чехова оно имеет форму *Н-ский*.

Неизвестность предмета может выражаться и при помощи местоимения *некий*. В современном литературном языке оно употребляется лишь в книжной речи. Напр.: *Вас спрашивал некий Иванов.* Местоимение *некий* передаётся на венгерский язык при помощи слов egy bizonyos. *Некий* может быть употреблён и в ироническом значении. Напр.: *Это написал некий американский журналист.* Тут *некий* — *малоизвестный* или *известный с плохой стороны* (с точки зрения говорящего).

Местоимение *некто* употребляется, как правило, при именах лиц и имеет сходное с предыдущим местоимением значение в венгерском переводе, напр.: *некто Иванова* egy bizonyos Ivanova. Но кроме того данное местоимение встречается и самостоятельно, в значении *некий человек*. Напр.: *Подойшёл некто в чёрной шляпе.* (Словарь Ожегова).

Венгерские обстоятельства времени egy reggel /este/ éjjel передаются на русский язык следующим образом: *однажды утром /вечером/ ночью* и (в разговорной речи): *раз утром* и т. д. (Egy = *однажды* или *раз*.) Однако, если налицо определение или причастный оборот, возможен и такой вариант: *в одну из тёмных осенних ночей* и т. п.

Обстоятельство времени az este с определённым артиклем всегда имеет значение: *вечером, вчера вечером*. Напр.: Az este nem voltam otthon (*Вчера вечером меня не было дома*).

Некоторые выражения с нулевым или неопределённым артиклем имеют разное значение. Напр.: Kis kenyeret kérek *Дай(те) мне маленький кусок хлеба*; Egy kis kenyeret kérek *Дай(те) мне немного хлеба*; Keveset tanult *Мало занимался*; Egy keveset tanult *Немного занимался*²⁴.

Венгерское местоимение valaki имеет следующие русские эквиваленты: *кто-нибудь, кто-либо, кто-то, кое-кто*. Однако если перед ним ставится неопределённый артикль, то суживается значение, и из четырёх возможных эквивалентов остаётся лишь *кое-кто*. Напр.: Kocsmásné azt hiszi, hogy a lányát elveszi egy valaki (из венгерской народной песни) *Трактирщица думает, что на её дочери женится один человек (кое-кто)*.

Венгерскому разговорному языку свойственны предложения типа Ittam egy kávét *Я выпил чашку кофе* или Vegyél egy kenyeret! *Купи буханку хлеба*. Здесь неопределённый артикль приближается к значению числительного egy (*один*). В венгерском языке может опускаться измерительное слово (особенно в разговорной речи), но в русском употребление слов *чашка, буханка* и т. п. в таких предложениях безусловно обязательно.

МЕСТО ЖУКОВСКОГО В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Д. Секе

*Писатель ведь дорог и нужен нам
только в той мере, в которой он
открывает нам внутреннюю работу
своей души...*

Л. Н. Толстой

„Как это ни кажется парадоксальным, Жуковский — одна из самых неразработанных проблем русской поэзии”.¹

Эта фраза была написана одним из виднейших знатоков истории русского стиха Б. Эйхенбаумом более четырех десятилетий тому назад, и, как ни странно, она могла бы быть написана и сегодня. Несмотря на ряд исследований (Г. Гуковского, Ц. Вольпе, Г. Поспелова, Н. Семенко и др.) положение во многом не изменилось. В истории литературы Жуковского считают своего рода Иоанном Предтечей новой русской поэзии, то есть, видят его заслугу почти исключительно в том, что он был предшественником Пушкина.

Связь творчества Жуковского с творчеством его гениального „победителя-ученика” неоспорима, конечно, но роль его в истории русской поэзии этим еще далеко не исчерпана. При всей своей односторонности подхода Б. Эйхенбаум в указанном выше труде верно подметил, например, связь поэзии Жуковского с поэзией Лермонтова и Тютчева.

Другой, и не менее важной причиной неразработанности проблем творчества Жуковского является до сих пор существующая неразрешенность основных вопросов русского романтизма. Правда, после более-менее решительного отказа советского литературоведения от механического разграничения романтизма на „реакционный” и „прогрессивный”, и, не в последнюю очередь, после блестящей работы Г. Гуковского „Пушкин и русские романтики”² (ничтожный тираж которой обратно пропорционален ее научной ценности) Жуковский как бы был „реабилитирован”, но до сих пор продолжают своего рода „извинения” за его принадлежность к пассивному крылу русского романтизма. Хотя Г. Гуковский в своей книге убедительно доказал, что ограниченность романтизма Жуковского и стоящего на противоположном полюсе Рыльева в конечном счете сводится к одному и тому же субъективизму, в одинаковой мере присущему всем течениям романтизма, многие исследователи все еще обращают внимание только на различия между отдельными течениями русского романтизма.

1 Эйхенбаум Б. М.: Мелодика русского лирического стиха. Петроград, 1922.

2 Гуковский Г. А. Очерки по истории русского реализма. ч. I. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946.

Вопрос этот нельзя считать решенным до тех пор, пока закономерные расхождения отдельных течений, различия в творчестве отдельных поэтов рассматриваются не в плане сравнения, а дискриминации. Определения „активный романтизм” и „пассивный романтизм”, во многом, может быть, и верные, не могут еще претендовать на то, чтобы ими пользовались как терминами: стремление к разграничению этих понятий и своего рода „сортировка” писателей привели, например, к странному положению, что Батюшкова, типичного поэта-эпикурейца, призывавшего громко и ясно „полной чашей радость пить” и к прочим, очень уж активного характера земным развлечениям, отнесли к группе поэтов „пассивных”.

Принадлежность Жуковского к романтизму долгое время оспаривалась и даже сегодня еще отчасти оспаривается. Источником этих сомнений является труд безусловного лучшего знатока творчества поэта, А. Н. Веселовского,³ в котором он целиком и полностью относит поэзию Жуковского к сентиментализму.

Веселовский в своей книге очень убедительно доказывает, основываясь на сравнительно-историческом методе, что творчество Жуковского не сводится к немецкому романтизму, к группе „Kraftgenies”, а относится к „Schöne Seelen”, то есть, к сентиментализму. Вот как характеризует в связи с этим поэзию Жуковского А. Н. Веселовский: „Нет энергических тонов, нет бури и натиска, есть — сентиментализм”.⁴ Далее Веселовский показывает, что Жуковский был незнаком с теорией немецкого романтизма и, в особенности, с его философской системой.

Все эти факты, конечно, неоспоримы. Но можно ли свести *весь* романтизм, в том числе и русский, к немецкому романтизму? Действительно ли верность идеям немецкого романтизма, взглядам иенской школы является единственным и абсолютным критерием романтизма?

Такая, в основном неверная трактовка творчества Жуковского, нашедшая выражение в этом очень ценном (и, между прочим, до сих пор непревзойденном) труде является результатом того, что автор, во-первых, считал единственным критерием романтизма принадлежность к идеям немецких романтиков, во-вторых, что Веселовский не отличает романтический метод от романтического направления (этот вопрос, кстати, и сегодня еще окончательно не решен), и в-третьих, что он исходит главным образом из тематического круга стихотворений поэта, не различая их *содержания* от *темы*, разбирает отдельные картины, но анализ этот скорее описательного, чем функционального характера.

Все сказанное и не поставили бы в упрек исследованию, написанному более полвека назад, тем более, что труды его автора неоднократно подвергались несправедливому осуждению, но мнение Веселовского оказалось таким авторитетным, что его целиком и полностью заимствовали многие исследователи советской эпохи.

Так, например, А. Белецкий в своей работе „Очередные вопросы изучения русского романтизма”⁵ не только соглашается с выводом Веселовского, но и использует его в качестве прокрустова ложа для русского ро-

3 Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и „сердечного воображения”. Петроград, 1918.

4 Там же, стр. 27.

5 Белецкий А. И. Очередные вопросы изучения русского романтизма (в сб. Русский романтизм. Лгр., 1927. стр. 5—25.)

мантизма. После книги Веселовского, — пишет А. Белецкий, — „... говорить о Жуковском как о типичном романтике уже не приходится. *Перечисление Жуковского из романтиков в группу сентименталистов Карамзинской школы заставило пересмотреть вопрос о романтизме в русской литературе наново.*...”⁶

Тот же самый подход наблюдается и у И. Семенко, в ее обстоятельном предисловии к одному из последних изданий собрания сочинений Жуковского.⁷ И. Семенко считает, что так как Жуковский иенских романтиков не воспринял, его творчество можно отнести к предромантизму, но ни в коем случае не к романтизму, тем более, что в его творчестве сохранился просветительский рационализм.

Не странно ли: рационализм — у зрелого поэта „чувства и сердечного воображения”?

Другую точку зрения представляет Б. Эйхенбаум в своей работе „Мелодика русского стиха.” Он, полемически заостряя вопрос, выступает против концепции и, главное, метода исследования Веселовского.

В отличие от Веселовского, который опирался прежде всего на тематический принцип, Б. Эйхенбаум считает необходимым в этом своем, ставшем знаменитым, исследовании изучать поэта только с точки зрения формы. Действительно, интонация является очень важным моментом в русской поэзии и в поэзии Жуковского в частности, и трудно не согласиться с положениями Б. Эйхенбаума, но он совершенно не считается в этой работе с характерными темами поэта, конечных выводов, как таковых, нет: они уступают место констатации формальных элементов. Зато Эйхенбаум обратил внимание на один существенный момент: он указал на *диалектичность* поэзии Жуковского.⁸

Вопрос о характере творчества Жуковского сводится к вопросу об эволюции его поэзии. Отправным пунктом действительно была поэзия сентиментального толка, но надо иметь в виду и эволюцию лирических стихотворений (не только баллад, значит, но и лирических стихотворений, как это было принято, например, и Г. Гуковским,⁹ и в университетском учебнике А. Н. Соколова.¹⁰).

Правда, эволюции в таком смысле, как, например, у Пушкина, мы не находим: круг тем стихотворений Жуковского замкнут, ограничен и постоянен. (Наверное, по этому признаку считал его Веселовский „вечным карамзинистом.”¹¹). Эволюция Жуковского более „лермонтовского” типа: она представляется в виде концентрических кругов, все более расширяющихся. В центре же их — человеческая душа.

В первом, „карамзинистском” периоде творчества поэта она изображается метафизически. Впоследствии же появляется ведущий мотив: изображение полета мысли. В этом заключается содержание его образов, какая бы ни была их внешняя оболочка. С этого же момента и начинается романтизм Жуковского.

6 Там же, стр. 7. (курсив мой. Д. С.)

7 Жуковский В. А. Собрание сочинений. тт. I—IV. Вступ. статья И. М. Семенко. М. — Л., 1959—1960.

8 Эйхенбаум Б. М. указ. соч.

9 Гуковский Г. А. указ. соч.

10 Соколов А. Н. История русской литературы XIX века, т. I. М., 1960. стр. 115 и след.

11 Веселовский А. Н. указ. соч.

Он, так же как и Лермонтов, „скупой рыцарь образов”. Содержанием его стихотворений становится изображение процесса мышления: он пишет уже не о том, *что* чувствует, видит поэт, а *как* он чувствует. Так, например, в известном стихотворении Жуковского „Цветок” сам цветок, его описание является только исходным пунктом: изображается же мысль, вызванная им, от восприятия до философского обобщения. Чувство природы в этом стихотворении перестает быть имманентным. Впечатление, вызванное предметом, а впоследствии — процесс восприятия его, становится содержанием его стихотворений. (Ср., напр., блестящий анализ Г. Жуковским стихотворений „Море” и „Певец во стане русских воинов”.¹²).

Очень метко характеризует поэзию Жуковского Н. Полевой в своих „Очерках русской литературы”: „Чем отличается Жуковский от всех других поэтов русских: это музыкальность стиха его, певкость, так сказать — мелодическое выражение, сладкозвучие. Нельзя назвать стихи Жуковского гармоническими, — гармония требует диссонанса, противоположностей, фуг поэтических; ищите гармонии у Пушкина... но не Жуковского эта стихия. Его звуки — мелодия, тихое ропанье ручейка, легкое веяние эфира по струнам воздушной арфы.”¹³ Как правило, цитируется только первая часть этой характеристики, хотя продолжение ее является не менее важным.

Все-таки необходимо добавить: прелесть стихотворений Жуковского заключается не в самой гармоничности — это было бы подобно звуковому ряду, состоящему из одних аккордов —, а в *стремлении* к ней. Правда, у Жуковского, как пишет Полевой, нет еще фуг, то есть, нет еще полифонии: мелодия только одна, нет другого, контрапунктирующего голоса, нет еще сложного переплетения двух и больше голосов, как, например, у Лермонтова, зато даются бесконечные вариации, имитации этой единой — и единственной — мелодии. Эту „святую односторонность” его поэзии отмечали все литературоведы, начиная с Белинского.

Центральным содержанием лирики Жуковского становится внутренний мир человека.

В то время, как в *балладах* Жуковского, по мере отхода от традиций карамзинизма появляется характерное для романтизма утверждение трансцендентального объекта, центральным содержанием его *лирических стихотворений* становится внутренний мир человека. Характерные темы этих стихотворений: *скорбь, радость, тишина* и т. п. Хотя запас их очень невелик, они раскрываются динамически; как это ни парадоксально, но этот „пассивный” поэт открыл для русской поэзии активность слов. Ему принадлежит не только заслуга открытия многозначности слов (см. об этом в книге Г. Жуковского): он и мастерски ею пользуется. „Повторения” слов у Жуковского — в силу их многозначности — имеют особую функцию: слова сами по себе еще не образы, лишь их повторение открывает связь между их различными значениями.

Так, например, в стихотворении „Весеннее чувство” упоминается вначале „очарованный поток” а в конце стихотворения — уже абстрагированный образ: „очарованное там”. Здесь особенно ярко видно, как передает Жуковский путем повторения движение мысли к абстрактному, то есть, процесс познания.

¹² Жуковский Г. А. указ. соч.

¹³ Полевой Н. Очерки русской литературы. ч. I. Пб., 1839. стр. 123.

„Напевный стиль” служит этой диалектике, ибо вопросительная интонация у Жуковского (на которую хотя и обратил внимание Б. Эйхенбаум, но не поставил своей задачей исследовать смысл ее) безусловно имеет определенную функцию: передачи процесса мысли, стремления к выражению „невыразимого”.

Кавычки здесь поставлены неслучайно. Ибо с этим моментом „невыразимости” связано мнение многих литературоведов, обвиняющих Жуковского в агностицизме. Но можно ли судить по отдельным строкам и заглавиям, не рассмотрев их функцию в целом произведении? На таком основании можно было бы упрекать и „Мцыри” Лермонтова в агностицизме: „*А душу можно ль рассказать?*”, — спрашивает герой поэмы. Однако, ясно, что этот ораторский вопрос является только поводом для исповеди Мцыри, то есть для доказательства того, что душу *можно* рассказать. Также и у Жуковского. И в этом отношении он является зачинателем линии русской поэзии, представленной впоследствии Лермонтовым и Тютчевым, для которых вопрос о выражении „невыразимого”, то есть проблема необходимости выражения процесса мысли, является первостепенной.¹⁴

Своей „святой односторонностью” Жуковский создал, наперекор поэзии *экстенсивной*, богатой темами, поэзию *интенсивную*, углубленную в *одну* тему, которая тем не менее является неисчерпаемой: он открыл для поэзии человеческую душу.

14 Навряд ли можно считать правильной установившуюся в истории русской литературы традицию называть „поэзией мысли” поэзию Баратынского и Любомудров. Термин этот не может быть экспроприирован для названных поэтов: с большим основанием он характеризует поэзию Жуковского и Лермонтова.

О СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА „УТЕС“

Д. Секе

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

Ведущие образы зрелой лирики Лермонтова — образы абстрагированные (но не абстрактные). Поэтическая мысль сгущена в строках стихотворения, и между ними: так называемые „зрительные образы” служат обычно лишь средством для ее выражения.

Когда по бытующему и в наши дни упрощенному восприятию в стихотворении „Утес” исследователь находит „образы” утеса и тучки, это приводит к такому наивно-вульгарному толкованию (точнее, пересказу) стихотворения: „здесь рассказ о тучке, ночевавшей на груди утеса-великана, осчастливившей его своей близостью, и о старом утесе, тяжело переживающем одиночество после мимолетной радости, вызывает мысли о человеческих судьбах и переживаниях.”¹

Такой подход к стихотворениям, к сожалению, не единичное явление. А ведь ясно, что Лермонтов не описывает, а выражает, причем не утес и тучку, а мысль разобщенности. *Тучка* и *утес* сами по себе не образы: образ создается их взаимоотношением, сопоставлением. *Тучка* и *утес* — такое же „сырье” по отношению к целому образу (разобщенности), как и разница между грамматическими родами этих слов, как и противопоставление глагольных времен (*ночевала, умчалась* — *стоит, плачет*), ведь этот момент: „умчавшееся” прошлое — для тучки и „оставшееся” — вечно — настоящее для утеса, как и выражающий глубокое раздумье поэтический перенос во второй строфе, как и противопоставление плавности строк, посвященным тучке, полным тяжелыми стечениями согласных строкам, где описывается утес, и тот самый „*влажный след*”, который является своего рода ключом к пониманию стихотворения, ибо он растолкуется двояко: он и остаток тучки, своего рода память о ней, и, в то же время, он — и слеза утеса, который „*тихонько плачет*”, и таким образом связывается „между строками”, как говорят, плач утеса и причина этого плача. С помощью этих элементов (их, конечно, еще больше в стихотворении) сформируется образ разобщенности, являющийся ведущим образом многих стихотворений последних лет жизни поэта.

Многие исследователи обратили внимание на связывающие друг с другом нескольких стихотворений Лермонтова мотив одиночества, разобщенности. При этом, как правило, приводится устойчиво повторяемое в стихотворениях характерное лермонтовское слово *одинокий*. Однако, простым

1 Из одной диссертации последних лет, посвященной творчеству Лермонтова.

выделением этого слова и перечислением стихотворений, где оно встречается, его функция еще не открывается.

Почему-то никто не обратил внимание на то своеобразное явление, что не только само это слово повторяется в стихотворениях (*Парус*, *На севере диком*, *Утес*), но и расположение его в структуре стихотворения:

„Белеет парус одинокий
в тумане моря голубом.”

(Парус)

„На севере диком стоит *одинок*
на голой вершине сосна.”

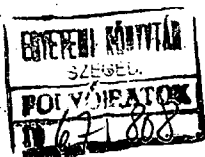
(На севере диком)

„... *Одиноко*
стоит он, задумался глубоко”

(Утес)

Между отдельными элементами стихотворения существуют, помимо логических, речевых, и внутритекстовые связи. Для Лермонтова вообще очень характерно явление переноса: фраза не заканчивается в конце строки, а переносится в следующую. (Кстати, этот прием особенно характерен для поэзии нашего века.) И это никогда не является простым формальным признаком: перенос всегда имеет определенную функцию, является носителем определенного содержания: особенно часто, например, им передается процесс мышления.

В приводимых примерах перенос имеет еще одну, очень важную функцию: слово *одинок* во всех случаях стоит на конце строки, изолированно, „одинок”. Тем самым, использованием этого приема резко подчеркивается поэтом семантический смысл слова.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Соколова.</i> Церковнославянизмы и русский литературный язык	3
<i>И. Х. Том.</i> К истории склонения имен существительных в Псковских летописях	9
<i>И. Х. Том.—Э. Хоргоши.</i> Данные к падежному синкретизму на основе „Повести прихождении Стефана Батория на град Псков”	15
<i>И. Пете.</i> Обстоятельство времени со значением дистрибутивности в русском языке	17
<i>И. Пете.</i> Обстоятельство места, обозначающее локальную протяженность в русском языке	23
<i>Ш. Кони.</i> Венгерские артикли в сопоставлении с некоторыми явлениями русского языка	25
<i>Д. Секе.</i> Место Жуковского в истории русской поэзии	34
<i>Д. Секе.</i> О структуре стихотворения Лермонтова „Утес”	39

A kiadásért felelős a József Attila Tudományegyetem Bölcsészettudományi Karának dékánja
A kézirat nyomdába érkezett 1966. június. Megjelenés 1966 december

Terjedelem 3,75 (B/4) ív

Készült monó szedéssel, íves magasnyomással az MSZ 5601 és az MSZ 5602-50
(B/4) szabványok szerint
Szegedi Nyomda 66-6316